

Сергей Жигалов

Царская голгофа

Роман-размышление

Издательство «Апостол веры»
Москва, 2018

УДК 23/28, 179.9
ББК 86.372
Ж55

Предостережение о псах, лижущих зубья пилы

*Допущено к распространению
Издательским Советом Русской Православной Церкви*
№ ИС Р18–803–3029

Жигалов С.

Царская глогофа. — М.: Православное издательство «Апостол веры»
(ИП Семенец И. Ю.), 2018. — 912 с.

Боголюбивый читатель, вы держите в руках роман-размышление о трагедии вселенского масштаба — гибели Российской империи. В 2018 году исполнилось 100 лет со дня страшной даты — ритуального убийства государя Николая II и его семьи. Они были тайно и незаконно расстреляны, когда в России наступила власть тьмы. Путь царя, его отречение, поругание и муки исполнены глубокого пророческого смысла. Из мрака хулы и забвения святые Царственные мученики вернулись в наш день.

Со страниц книги предстаёт большая галерея исторических портретов: царь-освободитель Александр II, миротворец Александр III, великие князья, министры, командующие фронтами, премьер Пётр Столыпин, святой праведный Иоанн Кронштадтский, Лев Толстой, Григорий Распутин и его убийцы, Владимир Ульянов, председатель Госдумы Родзянко, Керенский и другие. Книга подвигает к раздумьям о прошлом, настоящем и будущем нашего многострадального Отечества.

Вывалился из гнезда птенец, затрепыхался в траве. Гулявший по дворцовому парку мальчик поднял его и спрятался от гувернёров за дерево. Разинутый клювик воробьишки расцвёл весёлыми розовыми пузырьками. Мальчик догадался: он умирает, и стал молиться. «Господи, пожалей, оставь его жить, пусть летает! — вскинув светлый лик к небу, доверчиво, как умеют только дети, взывал он ко Господу: — У Тебя ведь там и так много воробьёв...»

Молился, а за спиной под белой рубашонкой проступали начатки «царских крыл». Тем сроком на алтари Российской империи падали перетёртые звенья золотой цепи Православия, удерживающей зверя. Псы вырывались на волю, жадно лизали зубья пилы века девятнадцатого, услаждались своей и чужой кровью. Обрядившись в сюртуки и чуйки народных заступников, оклыченные сатанинской гордыней, серыми стаями рыскали по пространствам Российской империи. Народовольцы, бомбисты, метальщики... Имя им легион. Выслеживали верных царю и Отечеству...

ISBN 978–5–9500594–4–5

© Издательство «Апостол веры»
ИП Семенец И. Ю., 2018

Сусально вызолоченные ротшильдами, шиффами, парвусами, дюпонами и их «вольными каменщиками» зубья пи-лы лижут разночинцы, чиновный люд, интеллигенция, министры и даже генерал-адъютанты из окружения государя. О подступающих страшных временах пророчествуют монахи-прозорливцы. Темнеют в церквях иконы. На сером петербургском небосводе воцаряется низверженная из тьмы вселенной комета, пугает будто омоченным в свежей крови хвостом. Люцифер либеральных «свобод и вольностей» смачно целует в уста отпавших от Бога подданных Российской империи...

Желая образумить влекущееся к пропасти стадо, Господь попускает страшную жертву. На седьмом по счёту покушении от брошенной в ноги бомбы погибает царь-освободитель Александр II. Величайший в Российской империи реформатор, даровавший волю двадцати миллионам крепостных крестьян. Невинная царская кровь разбрызгивается по широкому лику Российской империи, но не исцеляет слепоту.

Не увидели знак Божий, не прозрели и мудрые из мудрых. Сребробородый властитель умов, пахавший землю и точавший сапоги, шлёт из Ясной Поляны сыну убитого царя Александру III письмо, убеждая простить цареубийц.

А что сами упившиеся царской кровью желябовы, перовские, кибальчичи?.. Пали на колени под обрушившимся валом народного гнева? Не было того. С кулями на головах и петлями на шеях страшно вытягивались под свежеструганной перекладной виселицы. Смертной пеной стекали с вываленных фиолетовых языков нераскаянные хулы... Да простит их Господь. Да не будет прощения «порождениям ехидны», напिताвшим цареубийц гордым безумием.

Разверзается под пером наша горькая история. Вот царский дворец, кабинет. Здесь с оторванными взрывом ногами истекает кровью император Александр II. Углядим в мяту-

щейся толпе докторов и близких румяного с мороза того двенадцатилетнего мальчика. Прижавшись к стене, дрожащими губами он шепчет исцелившую воробьишку молитву: «Господи, оставь моего деда в живых! Не забирай его, пожалуйста. У Тебя ведь там и так много царей...»

Тридцать восемь лет (миг во вселенной!) отделяет юного наследника престола Николая II от собственной смерти. Господь уготовил ему кончину не на вершине любви и славы, как его деду Александру II. Свергнутый и оболганный, окружённый изменниками и врагами, последний русский Белый царь династии Романовых будет тайно застрелен в глухом подвале с сыном, цесаревичем Алексеем, дочерьми и супругой. Их тела обезглавят, изрубят на куски, обольют серной кислотой и сожгут на костре. Отрезанные же головы государя и наследника доставят красным властителям в столицу для опознания и успокоения...

Оставим на час заплаканного, шепчущего молитву будущего последнего российского императора. Вспомним летящие с плазменных экранов телевизоров крики и проклятия толпы на Болотной площади образца 2012 года. Скоро те же экраны донесут в наши квартиры чёрный дым горящих автомобильных покрышек киевского майдана, а теперь и оружейные залпы — кровь и смерть новой революции и гражданской войны на Украине. Но не успокоимся, видя, какой беды мы пока избежали. Дадим себе труд услышать столетний и всё равно исполненный тревоги клёкот царского двуглавого орла о пролитых реках славянской крови!..

Запутан и тревожен сегодняшний наш день. Правнуки тех социал-демократов, кадетов, эсеров, думских либералов с утра до вечера скрежещут зубами на государя-мученика. Злыми теледебатами, лживыми «художественными» кинофильмами, операми, книгами пытаются очернить его святой

образ, «заштукатурить» самое жестокое и гнусное преступление на земном шаре — ритуальное убийство православного русского царя, Помазанника Божиего, и его семьи.

Как и тогда, накануне красного переворота, в нас разжигают недовольство и ярость существующими порядками. Манят призрачными свободами. Зовут к свержению... Да не обратимся, братья, в слепцов, ведомых слепцами к кровавой пропасти. Да будут нам впрок красные уроки октябрьского переворота. история царской голгофы, о которой пойдёт речь в этой книге. Да услышим! Да уразумеем! С Божией помощью да устоим!

Сергей Жигалов

Всем, кто остался мне предан, и тем,
на кого вы можете иметь влияние:
не мстите за меня, я всех простил и за всех
молюсь. Не мстите и за себя и помните,
что то зло, которое сейчас в мире,
будет ещё сильнее. Но не зло победит зло,
а только любовь.

Духовное завещание Государя Николая II

Часть I

Охота на русских царей

1.

Кровь на ступенях дворца

Сереньким мартовским утром 1881 года дворцовый каток лихо полосовали серебряные лезвия коньков. В глубине льда стрижами мелькали отражения венценосных отпрысков. В сторонке, уцепившись за няньку, училась стоять на коньках пятилетняя Ксения. Хохоча и взвизгивая, сияя глазами-вишенками, катили юные княжны Воронцовы в одинаковых белых шубках. Лихо чертила коньками вензеля разругавшаяся на холодном ветру великая княгиня Мария Феодоровна, взмахами зажатых в руке перчаток усмиряя расшалившихся сыновей.

— Ваше высочество, шнурок... не запнитесь. Позвольте! — слуга в ливрее и тоже на коньках попытался остановить пронёсшегося мимо двенадцатилетнего цесаревича.

— Спасибо, я сам! — Николай, радуясь своей силе и ловкости, взвихрил ледяную пыль, легко припал коленом на лёд,

не снимая перчаток, стал завязывать шнурок. Вдруг перед глазами сверкнула трещинка, змейкой скользнула под колено. Наследник припал ко льду, разглядывая её. Молнией сверкнула новая трещинка, образовав с первой подобие креста...

— Ники, не спи, догоняй! — младший брат Мишель на ходу дёрнул за рукав и унёсся дальше по кругу.

Наследник кинулся за ним. Мишель, оглядываясь и показывая язык, сделал круг. Ники догнал и хотел шлёпнуть его по спине, как вдруг Мишель, запнувшись о те самые трещины, упал, заскользил на животе. Зажав рот перчаткой, посмотрел на брата яростными, в слезах, глазами, что-то промычал. Подъехала княгиня-мать. Вдвоём с Николаем они подняли его, отряхнули. Мишель сплюнул на лёд сгусток крови.

— Язык прикусил, — догадался Николай.

— Чего толкаешься! Дам вот по пузу, будешь знать!

— Ники, извинись. Мишель, не надо выражаться как простолудин, — сухо и строго изрекла мать. — Что там у тебя?

Высунув прикушенный язык, Мишель, любимец отца, плаксиво сморщился.

— До свадьбы заживёт! — Мария Феодоровна вслед за царственным супругом не желала растить из сыновей «фарфор». — Утри слёзы и не жалуйся!

Потом румяной стайкой, с коньками на плечах, они запорхнут в тепло Зимнего дворца и вдруг замрут, глядя, как на передних лапах, волоча задние, вверх по лестнице ползёт любимый царский сеттер Милорд. При каждом броске его золотистые уши вскидывались и опадали, будто маленькие крылья. Пёс жалобно подвывал. Ники бросился к нему и увидел на ступенях лужицы крови. Мелькнула мысль, что собака ранена. Она ползла вверх, куда вели страшные следы.

— Ники, Мишель, быстро на свою половину! — прошептала Мария Феодоровна.

Видя, как обычно послушный её слову наследник, опередив ползущего Милорда, направляется к покоям императора, схватила сына за рукав. Висевшие на его плече коньки шумно упали на паркет, но цесаревич не обернулся.

В настежь растворённых дверях императорского кабинета стояла толпа. Великие князья, министр двора Фредерикс, незнакомые генералы... Бледные лица. Испуганный торопливый шёпот. В глубине кабинета меж спинами мелькал яркий язычок свечи. Наследник поднырнул под чьи-то локти и увидел лежащего на диване деда. Всё его лицо было в порезах и ссадинах. По-покойнически сложенные на высоко вздымавшейся и опадавшей груди руки держали свечу. Отсветы пламени трепетали на заострившемся лице императора, отблескивали в стёклах очков склонившегося к нему лейб-медика Боткина. Пытаясь остановить кровь, тот у самого паха перетягивал ему жгутами ногу, но кровь не унималась. Ники прижался к стене, глядя на набухающие кровью белые простыни. Тряся седой косицей, старенький протопресвитер Рождественский, сбиваясь и утирая падавшие на требник слёзы, соборовал умирающего. Серебряной лжицей со Святыми Дарами раздвигал землистые губы императора. А с портрета на стене сияла вечной счастливой улыбкой любимая царская дочь Мария...

Не замечаемый взрослыми, Ники вжимался спиной в холодную стену. Он впервые ощутил веяние незримых крыл ангела смерти. Ещё раз в конце жизни он почувствует на своём обожжённом орудийном порохом, уже морщинистом лице такой же смертный холод ангельских крыл, но когда это ещё случится... А пока алмазный резец детской памяти запечатлевает лица, слова и жесты, содрогающиеся от рыданий могучие плечи отца, распухшие красные глаза и мокрую бороду.

Как раненая птица, влетит в кабинет княгиня Юрьевская. Рывком откинет с прекрасного лица чёрную вуаль. Последняя и беззаветная любовь императора, в девичестве княжна Долгорукова, она осыплет лицо умирающего поцелуями.

2. Два маленьких привидения и Милорд

Человеческий или звериный вой разодрал ночную тишину Зимнего дворца. Княжна Юрьевская подняла распухшее от слёз лицо к поставленному рядом с иконами портрету императора. Взяла в руки, поцеловала: «Зачем ты оставил меня, Саша, одну? Зачем-ем?»

На широкой узорной кровати в страхе от жуткого воя проснулась будущая царица:

— Александр, кто это?

— Не пугайся! — широкой жаркой ладонью он погладил осыпанное мурашками плечо жены. — Видно, это Милорд. Олухи, оставили его во дворце, не отвели на псарню. Он и воет... Боже, как жалко папá!

В детской спальне очнулся ото сна и великий князь Георгий. Поджал к животу острые коленки, укрылся с головой и замер. Повторявшийся заунывный вой подтекал под шёлк одеяла, одевал дрожью. Он доносился из траурно убранного зала. Георгию в сонном ужасе подумалось, что это очнулся в золочёном гробу и кричит от боли дед.

Собравшись с духом, он метнулся из кровати в темень спальни, где белела постель старшего брата. Протопал босыми ногами по ковру и с лёту нырнул в тепло, в спасение.

— Ники, подвинься. Ты спишь? Ты слышал?

— Опять тебе что-нибудь приснилось? — вяло завозился тот, уступая ему место.

— Ты слышал, как он кричал?

— Кто?

— Дед!

— Приснилось тебе, Жоржи. Дед в гробу, он помер.

— Я слышал, как он сейчас кричал.

— Бог с тобой, он мёртвый, убитый! — Николай сел в постели и перекрестил брата.

Его шёпот прервал налитанный болью вой.

— Слышишь? — Георгий обхватил брата за шею. — Ему больно, он зовёт...

— Успокойся, Жоржи, успокойся! — Ники погладил брата по ознобленной спине. — Это Милорд.

— Милорд? Точно! Ему тоже больно, у него лапы... отсохли, — всхлипнул Георгий. — Он там один. Забыли про него. Никенька, миленький, пойдём к нему, ну пожалуйста!

— Куда ночью-то?

— Ну Никенька, ну миленький, пожалуйста...

— Вот репей, увидят же! — прошептал Ники, некогда с молоком кормилицы впитавший простецкое словцо. — Чисто репей!..

Два маленьких привидения в белых, до щиколоток, рубашках на цыпочках выбрались из спальни и двинулись по коридору в сторону царского кабинета. Из приоткрытых дверей залы падала на пол полоска света. Дети увидели мерцавшие у гроба свечи, двух священников. Один, большой, чёрный, сидел на пуфике у окна, другой возвышался над гробом, читал Псалтирь.

«Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная...» — привычной скороговоркой вычитывал священник.

Живым ли знать, сколь утешительны эти пророческие слова для усопшего! И не впитывала ли чистые слёзы замерших у приоткрытой двери внуков душа убиенного императора, как сухой песок дождевые капли, и омывалась от грехов?..

Любимого царского сеттера они нашли в дедовском кабинете. Милорд лежал на привычном месте около царского дивана. Он потянулся к детям и принялся лизать горячим языком их озябшие ноги.

— Милордушка, душечка, миленький! — говорили дети, присев на корточки около лежавшего на боку сеттера, гладили и целовали его узкую мордочку.

— Ники, у него мокрые глаза! Потрогай, вот тут. Чувствуешь? Он плачет.

Два озябших царственных птенца в ночных рубашонках заливались слезами над парализованной собакой...

— Ники, Ники... Нас хватились. Сюда идут! — потянул за рукав брата испуганный Жоржи. — Спрячемся?

Пёс вскинулся, зарычал. Братья шмыгнули за длинную, до пола, оконную штору. Послышались шаги, топот сапог. Кабинет осветился.

— Вона лежит, рычит. Как ты его возьмёшь? Цапнет за руку! — совсем рядом раздался голос.

— Может, мясом выманить? — отвечал ему другой.

— Где ты ночью мясо возьмёшь? Царский, он на твою мясу и глядеть не станет. Его, чай, одной сметаной и куриными гребнями потчуют.

— Дурак ты, Стенька! Язык твой поганый. Капитан услышит, получишь на орехи. Вон идёт сюда.

Великие князья мышатами жались за шторой.

— Ну чего вы тут топчетесь? — раздался строгий голос.

— Рычит. Боимся, что укусит, ваше благородие.

— Ушицин, быстроними шинель! Постели на пол. Ближе, не бойся, не укусит! Бери под бока, перекладывай на шинель.

— Господи Иисусе Христе! Ваше благородие, глядите — ноги под окном!

— Чего буровишь? Какие ноги?

Тут штора отодвинулась, и перед братьями появился высоченный военный. Он вытаращил глаза, вытянулся во фронт.

— Ваши высочества, вас везде ищут! Сам государь император в волнении, приказал найти! — забормотал гвардеец перед ещё более, чем он сам, смущёнными детьми.

За его спиной с разинутым ртом оцепенел Ушицин, уже успевший выпростать руку из рукава шинели. Первым нашёл босой наследник престола. Вытянув руки по швам, он внятно произнёс:

— Господин капитан, позвольте мне самому сказать папá! — он покраснел, но, одолев смущение, возвысил голос: — Я сам доложу государю!

— Слушаюсь, ваше высочество! — вскинулся гвардеец. — Ушицин, быстро клади собаку на шинель и неси на псарню, а то она всех здесь на уши подняла!..

3.

Седьмое покушение на императора Александра II

В деревне, в отчем доме, под пером нашего современника писателя Александра Никонова оживают эти события. Как и сто лет тому назад, сияет полная луна над баней. В приречных ветках выщёлкивают соловьи, плачет кукушка. И шариковая авторучка в руке посреди тихой ночи воспроизводит

предтечу трагедии 1917 года. Напрягая все силы души, писатель пытается уловить мистические токи, перетекавшие некогда от царственных дедов и прадедов в жертвенное сердце, в ум и память последнего государя династии Романовых. Пытается понять, как сказалась трагическая жизнь прадеда Николая I и деда Александра II на деяниях последнего российского самодержца, на его отречении.

Вот на железной кровати под шинелью, как солдат в походе, умирает царь Николай I. Жёстким пожатием руки он прощается с сыном — наследником престола, шепчет мертвеющими губами: «Держи всё, держи всё!»

Российский двуглавый орёл в сиянии Православия простирается над миром, подобно небесному светилу. Действительно удерживает всё.

Воля следующего царствующего русского монарха, Александра II, простирается за моря и океаны. Туда, где пылает война между Севером и Югом Соединённых Штатов Америки. Он посылает к берегам Сан-Франциско тихоокеанскую и атлантическую эскадры с приказом воевать с любыми иностранными армиями и флотами, которые посмеют вмешаться в войну. И Европа покорно склоняет голову. Соединённые Штаты спасены.

Тогда впервые русский меч скрещивается с зелёным долларом еврейского банкирства. Скрестился и рассёк замыслы всевластного банкира Натана Ротшильда поделить США между сыновьями Джеймсом и Лионелем, отторгнув Север к Канаде, а Юг присоединив к Мексике. Не в те ли дни всевластный раб мамоны и слуга сатаны поклялся извести царский род Романовых?

Александр II молод, здоров и прекрасен. Вот каким его увидел французский писатель Теофиль Готье на балу в Зимнем дворце в 1865 году:

Александр Второй был одет в этот вечер в изящный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную и гибкую фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами и спускавшуюся до бёдер. Воротник и рукава были оторочены мехом голубого сибирского песца. Светло-голубые брюки в обтяжку, узкие сапоги чётко обрисовывали ноги. Волосы Государя были коротко острижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря смуглому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определённы, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой.

Убийцы идут за царём, как волки по следу. Вот государь прогуливается по Летнему саду. К нему приближается странный человек. По одежде и манере держаться он похож на дворянина, лицом — на злодея. Вот он поравнялся с Александром. Император готов ответить той самой «милостивой улыбкой» на ожидаемый поклон. Но встречный достаёт из кармана револьвер и целится в грудь императору. Это Каракозов. Крыло ли Ангела Хранителя, кулак ли оказавшегося рядом мужика бьёт убийцу по руке, и смертельный свинец, минуя государево сердце, сбивает листву с ближайших кустов.

В Париже русский царь с императором Наполеоном III едут по улицам столицы в открытой коляске, приветствуя толпы парижан. Вдруг на подножку кареты вскакивает человек в чёрном, скалит хорьковую мордочку. Зрачок пистолетного ствола находится на уровне сердца государя. Мгновение, и офицер охраны успевает ударить убийцу по руке. Пуля, минуя грудь императора, вонзается в круп лошади.

Стрелявшего окружает охрана, бросает наземь. Это эмигрант Березовский.

Французский император обескуражен нападением, но ещё более поражён «милостивой царственной улыбкой» в ответ на выстрел. Он рассыпается в извинениях.

«Я готов предстать перед Господом в любой момент, когда Он призовет меня», — отвечает французу Александр. Что выстрел? Он счастлив и несчастен одновременно. В его прекрасных голубых глазах то и дело занимают всполохи сердечной страсти. Наполеону докладывают, что в Париж инкогнито приехала представительница древнейшего в России княжеского рода Долгоруковых, фрейлина императрицы Екатерина Михайловна. Юная княжна поселилась в дорогом тихом отеле. И каждую ночь русский император проводит в её объятиях. Раньше о связи царя с фрейлиной судачил русский двор, теперь с завистью шепчется французский. Слеплённый поздней любовной страстью, государь не берёт в расчёт ни пули убийц, ни шёпот придворных, ни даже гнев Божий.

Светские сплетницы шипят о развращённости юной фрейлины почти с пелёнок. Позднее, когда у них, один за другим, родятся четверо детей, «дорогая Катрин» поселится в Зимнем дворце.

Императрица, кстати, знала про тайную дверь на лестницу, по которой ночью император из своих личных покоев поднимался в альков возлюбленной. Знала, но молчала до скорой и горькой смерти, отвергнутая, но любящая своего царственного супруга.

На заре майского утра 1880 года восходящее солнце озолотило и крылья слетевшего с небес в спальню императрицы ангела смерти. Озолотило и спряталось в тучу скорби. Наследник Александр III помнил смешанные со слезами слова матери, сказанные ему накануне вечером: «Не люблю я этих

пикников возле смертного одра». Мать имела в виду прощание с близкими. Златокрылый ангел смерти прислушался к словам умирающей и исторг её душу в тишине и одиночестве. Отлетел с ней в горные выси, но и запомнил дорогу в Зимний дворец. Меньше чем через год он вернётся сюда.

Зима 1880 года. Тогда врачи стали опасаться за жизнь императрицы. Принц Александр Гессенский приехал из Дармштадта в Петербург навестить больную. На 5 февраля в его честь был назначен парадный ужин. Приглашены только близкие люди. Государь, наследник цесаревич с супругой, великий князь Михаил Николаевич, брат царя. По этикету принц Гессенский должен был прибыть раньше государя, однако он опоздал. В половине седьмого государь вошёл в зал, а принца всё не было. Он пришёл лишь через пять минут, рассыпался в извинениях: «Простите, ваше величество...»

Государь шагнул к дверям столовой, остальные двинулись за ним. В этот момент перед царём с грохотом разверзлась бездна. В адском вихре взрыва во все стороны полетели столы и стулья, ножи и вилки, ключья мундиров, осколки зеркал. В разломы стен хлынули густые клубы пара, пугая сходством с преисподней.

У самого края страшной воронки на месте столовой в лёгком парадном мундире возвышался государь, заглядывал на дно, где карабкались из-под обломков окровавленные солдаты караула...

— Ваше величество, пожалуйста сюда! Под вами может обрушиться пол.

— Что караул? — не обращая внимания на предупреждение об опасности, властно спросил император.

— Ваше величество, убито одиннадцать, ранено пятьдесят три. Унтер-офицер, фельдфебель Дмитриев, растерзан взрывом, узнали его лишь по фельдфебельским нашивкам! —

дрожащим голосом отрапортовал начальник штаба капитан фон Вольский.

Растерзанный взрывом караульный офицер... Не было ли это мистическим знаком, «последним небесным предупреждением» государю? И ещё. Никто не заметил в клубах морозного пара двенадцатилетнего наследника, прибежавшего из детской на грохот взрыва. Он увидел деда императора на краю бездны, рядом испуганное лицо отца, слышал крики и предсмертные стоны. Наблюдал, как на смену убитым финляндцам входит во дворец рота лейб-гвардии Преображенского полка. Не обратятся ли эти картины в шрамы на юном сердце и лёд в глазах будущего императора Николая II при подавлении революции 1905 года?..

Было в этом взрыве нечто мистическое, неуловимо витавшее над всей трагедией. Смертельная болезнь императрицы... Из-за неё приехал принц Гессенский... Его опоздание на пять минут спасло царя. Зайди они вовремя в столовую, и Александр II разделил бы участь фельдфебеля Дмитриева... Оставленная им императрица невольно спасла его от гибели. Господь ещё раз постучался в ослеплённую страстью душу Своего Помазанника. Но за грохотом взрыва император, видимо, не услышал этого...

И вот уже министру двора Александру Адлербергу государь объявляет свою волю тайно обвенчаться с княжной Долгоруковой. Тот отговаривает императора от этого горького шага, говорит о недобрых последствиях венчания: падении авторитета царя, династии и трона. Пугает вспышками возмущения в стране...

Он пытается убедить отказаться от этого шага и Екатерину Михайловну. В ответ на доводы министра невеста беззаботно смеётся: «Государь будет счастлив и спокоен, только когда обвенчается со мной...»

6 июля 1880 года, не выдержав годичного траура по умершей супруге, раб Божий государь император Александр II обручится с Екатериной Долгоруковой. Тайное венчание состоялось в маленькой комнатке Большого Царскосельского дворца, у алтаря походной церкви, в присутствии свидетелей Александра Адлерберга, начальника Главной императорской квартиры Александра Рылеева и генерал-адъютанта Эдуарда Баранова. В тот же день император подпишет указ сенату о предоставлении молодой супруге и своим незаконно рождённым детям титула «светлости» и фамилии Юрьевских.

Упали ли на кого-нибудь из участников тайного венчания слёзы царского Ангела Хранителя? Незримо и скорбно он отирал их крыльями, пробитыми осколками от взрыва. И знал наперёд. Скоро. Это случится скоро...

Почему шесть раз Господь спасал царственного раба Своего, а на седьмой отступился? На глазах у всех разыгрывается недостойная история с «дорогой Катрин». Цесаревич всё это видит, слышит и... отвергает. Не в этом ли истоки его будущего неприятия какой бы то ни было фальши и лжи в отношениях с супругой?..

События текут своим чередом к морю трагедии. Воскресенье, 1 марта 1881 года. В начале третьего пополудни император после смотра караулов в Михайловском манеже возвращается в Зимний. Выезжает на Екатерининский канал. И как год назад, во дворце, а теперь на канале, гремит взрыв. И как тогда, вокруг кровь и смерть, а государь невредим.

— Ваше императорское величество, извольте покинуть это место! — умоляют государя полицейские чины. — Вам опасно здесь оставаться.

Если бы он послушался, уехал бы в ту минуту, остался невредим и, как обещал «дорогой Катрин» перед отъездом, пошёл бы с ней после обеда гулять в Летний сад...

Но он желает видеть того, кто хотел его убить! Почему государь так бесстрашен и столь нерасторопна полиция?..

В придворных кругах судачат о подготовке к коронации княгини Юрьевской. Будто бы уже заказан вензель для молодой императрицы «Е-III». И будто бы государь обмолвился о переназначении наследником престола старшего сына Юрьевской Георгия, любимого им Гого... Слухи, ох уж эти слухи! Сто с лишним лет минуло после той трагедии. Рассыпалась в прах великая империя, а слухи живут...

Истинный же наследник, будущий император Александр III, страдает отцу, считая, что того заманили в сети. Взрыв на Екатерининском канале рвёт эти «сети» в клочья.

«Екатерининский». Это название — как искорка о Божественном попусении гибели императора. Долгорукова (Юрьевская) тоже Екатерина. Соблазнительница и сама жертва соблазна... Господь призывает к Себе царственного раба Своего в лучшее для него время, оберегая царя от ещё более тяжких грехов.

Но все эти домыслы — зримое, человеческое, слепое... Зачем Господь даровал Александру II мгновения жизни между первым и вторым взрывами? Не для того же, чтобы император ужаснулся хрипам бившихся на мостовой израненных взрывом коней. Не для того, чтобы поцеловать взглядом лежащего на земле с раскинутыми руками мёртвого казака охраны. И не для того, чтобы, страдая, обнять мальчишку из булочной, залитого кровью. Думается, иное было предназначение у этих мгновений. Для иного стучался Творец в царское сердце. Сердечного стога, сокрушённого покаяния ждал Всевышний...

Случилось ли оно, подобно раскаянию разбойника на кресте, перед тем, когда от перил моста шагнул к императору чёрный человек с завёрнутой в носовой платок адской «коробкой конфет Ландрина» и швырнул под ноги?..

4.

«Легче бросить бомбу в царя, чем отслужить молебен о его здравии»

Гроб с телом императора на орудийном лафете, влекомый восьмью «слепыми» воронными конями, плыл в море людской скорби к Петропавловскому собору. Волны полушубков, пальто, чуек, бобровых воротников катились к шеренгам гвардейцев, мёрзших вдоль пути похоронной процессии. При приближении гроба люди падали на колени, крестились, утирали слёзы. Тихо падал снежок на обнажённые головы мужиков. Казалось, будто они на глазах седеют от горя.

За гробом твёрдой поступью шествовал старший сын убиенного новый император государства Российского Александр III. Широколобый. Могучий. Солдаты и народ, благословляя глазами нового царя, переговаривались:

— Голову повесил... Он им, душегубам, за отца не спустит. Иуды, какого царя убили!..

За государем, в некотором отдалении, шли великие князья, императоры и короли из Европы, дипломаты, генералы, министры, губернаторы, сановники. Весь петербургский высший свет. И те, кто наемни в либеральных гостиных злословил, шептался, что император лишился ума, что давно пора передать трон наследнику. Они нынче тоже скорбели, платочками промокали глаза.

В большой зимней карете ехала с детьми молодая императрица Мария Феодоровна. Сзади катила другая траурная карета — с княгиней Юрьевской, следом ехали кареты великих княжон. И насколько можно было охватить взглядом, отовсюду валил петербургский люд...

Александру Александровичу было зябко. Стыла рано лысеющая голова, мёрзли руки в тонких перчатках. Он видел,

как томительно проворачиваются колёса, сверкают искры из-под кованых копыт траурных коней. Память же его, цепляясь за камни последних страшных событий, высекала иные искры.

Случилось то, к чему он шёл, чего боялся и жаждал. Второй сын императора, в юности он и не помышлял о престоле. На трон готовили его старшего брата, Николая.

По восшествии на престол в 1855 году Александра II двенадцатилетний Николай стал цесаревичем. Александр был младше его всего на полтора года. Братья дружили. Никс и Мака — так почему-то их звали в семье Александра. Николай обожал брата за его силу, за то, что тот любил работать молотобойцем в кузнице, за «честную, правдивую, хрустальную душу».

Однажды ребёнком Николай в разговоре с матерью предрёк, что после дедушки царём станет папá, потом он, а после его смерти — Саша. Юная мать тогда засмеялась. Но в двадцать один год он умрёт от почечного менингита. На смертном одре Никс вложит дрожащую руку своей горячо любимой датской принцессы Дагмары в крепкую ладонь брата, завещая ему и трон, и невесту.

«Плакал, как ребёнок, так сделалось грустно... которого никто на свете мне заменить не может снова, так пусто без моего друга, которого любил всех более на земле», — запишет в дневнике Александр в день годовщины смерти брата.

«А теперь кто заменит мне отца? Как я был несправедлив, зол за его сердечное увлечение, издевался над вынашиваемой им идеей, а потом и проектом Конституции!» — искрами из-под копыт траурных коней обжигали сердце горькие мысли. Леденил лоб ветер с Невы.

Страх и невыносимая боль от смерти отца затмили на первое время все иные мысли и чувства. Но теперь, через две

недели после присяги двора и войска, Александр III испытывал некую окрылённость. Чувство, которого он даже стыдился и от которого безуспешно пытался избавиться.

Смерть отца оборвала душевные цепи послушания, которыми он, как верный сын, был опутан. Улетучилась обида на дерзкое поведение княжны Юрьевской, возомнившей себя хозяйкой дворца. Без совета с ним, наследником престола, отец венчался. Не спрашивая его согласия, собирался короновать её. И даже вместо него сделать наследником Гого! А затея с Конституцией? Александр, в отличие от отца, был убеждён: конституционные свободы для России вредны и опасны.

Взрывы на Екатерининском канале убили отца, но они разметали всю душевную тяжесть Александра, вознесли его на трон. Теперь он волен решать всё сам и сам должен держать ответ перед Богом и людьми.

В углу своей кареты, ничего не видя и не слыша, сжалась окаменевшая от горя княгиня Юрьевская. «О Боже, я же чувствовала! Сердцем чувствовала. Плакала, просила Сашу не ездить! Он же ещё не оправился от болезни. Надо было броситься в ноги, умолять!» — казнила она себя и сжимала, гладила в руках крохотной свёрток. Это было всё, чем она могла напоследок одарить императора, супруга, ясного сокола души её.

Этим утром она взяла ножницы. Стараясь не встречаться в серебряной глубине зеркала с опухшими от слёз «глазами испуганной газели», отрезала свой самый красивый локон у левого виска. Он так любил его целовать... «Там, у смертного одра, будущий царь подошёл и обнял меня. Это было как признание родства...»

А в карете новой императрицы тягостное молчание то и дело нарушал неугомонный Жорж:

— Смотрите — папа́ без шапки! Можно я отнесу ему своё кепи? А то он опять будет кашлять. Мама́, Ники, чего вы всё время молчите?

— Успокойся, Жоржи! — Мария Феодоровна промокнула узорчатым платком глаза, посмотрела на старшенького.

Тот сидел, крепко зажав ладони в коленях.

— О чём ты думаешь, Ники?

— Почему Он меня не услышал? — очнулся тот. — Я так просил.

— Кто, папа́?

— Боженька.

Он хотел рассказать матери, как в парке они с Володькой Олленгреном* подобрали в траве полумёртвого воробышка. Птенец закатывал глазки, икал. А после его молитвы ожил. Но тут Жорж, втиснулся между ним и матерью:

— Он всегда говорил, что я его любимый внук!

— Не ври, дед Ксению больше всех любил!

— А вот и нет, он мне сам говорил. Я на нём верхом ездил, а ты нет. Ты не ездил. Он и «Дунаем» вместо меня тогда был.

— Каким «Дунаем»? — сквозь набегавшую слезу улыбнулась императрица. — Рекой?

— Ну да! Когда с турками... Осман-паша, — заторопился Жорж, боясь, что брат его перебьёт. — Русские войска переходили через Дунай. Я был «Дунаем». Ники с Володькой переходили по мне двести раз. Ники наградил меня за это двумя медалями... Ведь правда, Ники?!

— Простите ваше величество. Володька, стервец, небось, придумал, — тихо произнесла сидевшая сзади в уголке донельзя смущённая мадам Олленгрэн. — Задам же я ему!

* Младший сын воспитательницы цесаревича. В девичестве мадам Олленгрэн носила фамилию Оконишников, адмирала, Георгиевского кавалера.

— А дед? Что он? — императрица успокаивающе улыбнулась воспитательнице. — Ведь государь говорил вам, что не надо растить из них оранжерейные цветы. Что «фарфору» ему не нужно. А подерутся — пожалуйста...

— Папа́ сказал, что доносчику первый кнут! — выкрикнул Жорж.

— Значит, тебе. Совсем не Володька это придумал, — заступился за приятеля Ники. — Нам ламповщик рассказал, как русские в бою с турками перешли Дунай.

— А дед тогда смеялся. Лёг на пол, сказал, что будет «Дунаем»! — загораживая ладошкой рот брату, зачастил Жорж: — Он не брыкался, как я. «Дунай» брыкаться должен, а дед не умел брыкаться.

— Он ещё нам пальцами тени на стене показывал: зайца, верблюда и монаха, — сказал Ники. — Они двигались, как живые...

Детский разговор перебивал горестные воспоминания императрицы, связанные с княгиней Юрьевской и с усопшим. Однажды Александр II вознамерился подружить свою новую семью с семьёй наследника. В Ливадийском дворце, где всё напоминало об усопшей императрице, воцарилась Юрьевская. За столом «дорогая Катрин» сидела рядом с императором.

Вечером Ники подошёл к матери: «Эта дама нам родственница?..» Мария Феодоровна готова была сквозь землю провалиться. Пока она лепетала спешно придуманный рассказ о том, что император усыновил детей вдовы, Николай смотрел на неё ясными кроткими глазами: «А почему он женился на ней? Ему же нельзя».

От его взгляда и вопросов делалось ещё горше. Она на всю жизнь запомнила ту ливадийскую пытку.

Как-то в канун Великого поста, в пятницу перед исповедью, все просили друг у друга прощения. Мария Феодоровна

у Юрьевской прощения не попросила. Государь разгневался до крика на любимую невестку: «Прошу не забываться! Вы лишь первая среди моих подданных!»

Опалённая царским гневом, Мария Феодоровна тогда подошла к свёкру и кротко попросила у него прощения. Монарх растрогался и тоже попросил прощения у невестки. На исповеди он признается своему духовнику, отцу Иоанну Бажанову: «Я так счастлив сегодня. Мои дети простили меня».

Мария Феодоровна вспоминала, и слёзы всё время текли по её лицу. Как он любил играть с внуками... Как обожал Дунай... Не в игре, а в жизни великой империи он был как бы мостом через Дунай, через моря и океаны невзгод и войн. По этому мосту прошли миллионы освобождённых крепостных крестьян, протопали к свободе от турецкого ига целые полки братьев-славян... По нему шли, шли и шли. А на Екатерининском канале стая безумцев взорвала так необходимый всему миру мост.

Подрагивая чёрными султанами на головах, «слепые» кони довели лафет с гробом императора до Петропавловской крепости. К дверям собора народ прихлынул так густо, что караулу с трудом удавалось удерживать дорожку для императора и близких.

«Нынче легче пойти и бросить в государя бомбу, чем отслужить молебен», — совсем близко услышал Александр III чей-то сипловатый басок. Вскинул голову. Румяное сорокалетнее лицо, умные насмешливые глаза. Под царским взглядом человек склонился в скорбном глубоком поклоне.

«Бомбу легче, чем молебен? Нет, я не позволю... Не будет в империи этого „легче“!»

Эта мысль вернулась к императору ещё раз при последнем прощании, когда, упав на колени, он поцеловал лёд отцовской руки: «Легче? Не позволю!»

К гробу, надломившись под чёрной вуалью, подошла княгиня Юрьевская. Если бы её не поддерживал граф Адлерберг, друг покойного императора, она бы упала. Княгиня опустилась на колени, приникла к сложенным на груди окаменевшим рукам. Отрезанный утром шелковистый локон свился колечком под локтем усопшего.

Гроб с телом Александра II опустили в царскую усыпальницу — «под бочок» к отцу Николаю I. Душа же его вознеслась в горние выси. Александр III перчаткой смахнул слезу: «За гибель отца убийцы заплатит своей жизнью!»

5.

Горечь царского счастья

Погибший император всегда был далёк душой от боготворившей его с юности жены. Любовь же княжны «с глазами испуганной газели» за годы воспитания их совместных четверых детей ушла в песок. Юрьевская тигрицей боролась за их будущее. Требовала знатной фамилии, титулов, коронации.

Наследник и другие дети не могли простить обиду за умирающую в одиночестве мать-царицу. Любимая единственная дочь Александра II, герцогиня Единбургская, прислала ему из Лондона письмо — «гвоздь в сердце»: «Я молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, бывшие ближе всех к мамá, сумели бы однажды простить Вас».

Сердечное желание государя подружить Юрьевскую и её детей с семьёй наследника, с внуками во время отдыха в Ливадии обернулись слезами и попреками княгини: «Они шарахаются от моих детей, как от зачумлённых».

Объяснение с невесткой вылилось в скандал. Она никак не желала общения своих детей с «этими бастардами».

Её раздражал всюду лезущий и вечно орущий старший сын Юрьевской Гого...

Зимний дворец. Кабинет. У ног на полу лежит свернувшийся кольцом Милорд... Вой ветра с Невы в печной трубе.

Но что личная боль? Есть трон. Империя. Долг. Александр II, пожалуй, как никто из российских венценосцев осознал это. Чувством ответственности за всё, что происходило на земном шаре, руководствовался он, отправляя к берегам США эскадры военных кораблей, защищая братьев во Христе, выступая против турок. Любовью к подданным дышал его Манифест об отмене крепостного права. Не из страха, а по совести собирался он принять Конституцию...

Тяжесть царского креста давила всё сильнее, а тут ещё страшный взрыв в столовой дворца. Одиннадцать гробов с гвардейцами Финляндского полка... «Это всё из-за меня!».

Демонстрации в Петербурге и Москве против войны с Турцией. Смерть супруги, добавившая льду в отношения с семьёй наследника. И опять покушения, покушения... Убит в Киеве жандарм, полковник Гекинг, выстрелы террористов раздаются в Одессе. От удара кинжалом умирает петербургский шеф жандармов Мезенцев, в Харькове убивают генерал-губернатора Кропоткина... А каково было ему видеть, как среди подданных растут клубни человеческого зла?! В жизни он мало чего боялся. В последние годы временами даже желал смерти. Правда, не такой ужасной, что настигла его 1 марта на Екатерининском канале.

Читал ли Александр II эту прокламацию от исполнительного комитета «Земли и воли»?

Обращаясь ко всем честным русским гражданам, кому дорога свобода, кому святы народная воля и народные интересы, мы ещё раз выставляем на вид, что Александр II является

олицетворением деспотизма лицемерного, трусливо-кровавого и всё растлевающего. Царствование Александра II с начала до конца — ложь, где пресловутое освобождение крестьян заканчивается Московским циркуляром, а разные правды, милости и свободы — военной диктатурой и виселицами. С начала до конца оно посвящено упрочению враждебных народу классов, уничтожению всего, чем жил и хочет жить народ. Никогда воля народа не попиралась так пренебрежительно. Всеми мерами, всеми силами это царствование поддерживало каждого, кто грабит и угнетает народ, и в то же время в России систематически истребляется всё честное, преданное народу.

«Мы надевали им лавровые венки на вшивые головы», — говорит в «Бесах» герой Достоевского о русских мужиках. Но те же Желябов, Перовская, Кибальчич... истово верили в правоту своих слов. Слепые вели слепых. А тысячи эсеров, бомбистов, пришедших за ними при Александре III и Николае II? Какой кровавый потоп учинили они в России! Реки крови выпустили из жил народа — «верховного распорядителя своих судеб». И всё не урок. И опять нынче идут к тому же.

6.

**«Если ты казнишь их,
мы казним тебя и наследника»**

Сумрак раннего петербургского утра. В коридорах, комнатах и залах дворца тенями мелькают истопники, полотёры, ламповщики. Сменяется полусонный караул. Идёт Великий пост и продолжается траур по убиенному императору. Тихо, благостно, скорбно.

Трон не изменил привычек Александра III. Он встаёт рано, вместе с обслугой. Обливается ледяной водой. Надевает рубаху навыпуск, широкие шаровары. На завтрак в пост — кусок хлеба, солёная капуста, редька с квасом. Привычку к простой еде царь впитал с молоком кормилицы-крестьянки. После завтрака — кабинет, письменный стол. Бумаги — указы, доклады. Это надо прочесть до утренних визитов министров. А сегодня ещё письмо. Оно отложено на край стола, но на виду.

Это письмо графа Льва Толстого. Послано было на имя Победоносцева, учителя и советчика Александра III. Константин Петрович отклонил прошение Толстого, написав ему:

Прочитав Ваше письмо, я увидел, что Ваша вера одна, а моя церковная — другая, что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю Мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, в Вашем показали мне черты расслабленного, который сам требует исцеления.

Зная, что письмо Толстого в обход него дойдёт-таки до государя, Победоносцев, опережая, сам пишет Александру III:

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осуждённых преступников от смертной казни... Может ли это случиться? Нет, нет и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего русского народа в такую минуту простили убийцу Вашего отца, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято

за грех великий и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы.

Государь ознакомился с письмом своего наставника прежде, чем ему на стол легло письмо графа Толстого. Через профессора истории Бестужева-Рюмина графское послание передали великому князю Сергею Александровичу, а тот вручил его царю.

«Все как с ума посходили. Те, кто забыли, когда и лоб в последний раз крестили, вдруг вспомнили Господни заповеди „Не убий, не суди...“ Вот и Толстой, как сказал Победоносцев, о том же!» — глядя на письмо, государь горько усмехнулся. Он придвинул к себе стопку докладов. Когда закончил их просматривать, уже совсем рассвело. Камердинер раздвинул шторы, впуская серое петербургское утро. Государь встал, разминая затёкшую от часового сидения спину. Камердинер обернулся на хруст.

— Старею, Потап, кости хрустят.

— Всем бы так стареть, ваше величество, — камердинер поклонился. — Энта подкова, что вы тогда перед заморскими гостями изволили своими ручками согнуть, по сей день неразогнутая лежит...

«Меня тут самого гнут, как подкову, чтобы простили убийцу. Вот и граф Толстой», — подумал Александр.

— Спаси, сохрани, Господи! — прошептал камердинер и перекрестил выходявшего из кабинета венценосца. — Нет, никакому богатырю не согнуть нашего царя-батюшку. Никакому!

На ходу он потрогал ладонью печь, отдёргнул руку.

— Опять накалили! Сто раз упреждал, что не любит он жары! Экие олухи!..

В новом мундире, мягко облегающем могучие плечи, причёсанный и выбритый, государь вернулся в кабинет. Одолев внутреннее сопротивление, взял письмо, вчитался:

Я ничтожный, непризванный и слабый, плохой советчик.

«Ничтожный... Самоунижение паче гордости», — усмехнулся Александр, продолжая читать:

Пишу письмо русскому Императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и всё-таки пишу...

Краем глаза Александр вдруг заметил, что за его спиной кто-то стоит. Он вздрогнул. Подумалось дикое, что это автор письма граф Толстой. Оглянулся — у кресла стоял наследник, худенький, вытянувшийся за последнее время. Александр разрешил ему входить в кабинет, не спрашивая позволения.

— Ты чавой-то? — государь приобнял сына за плечи.

Это «чавой-то» передалось ему тоже от кормилицы и для членов семьи служило знаком сердечного расположения.

— Вот тебе записка, — Николай протянул вдвое сложенный, со склеенными краями, листок с надписью «Царю».

Государь взял листок, пощупал:

— Ты не распечатывал?

— Нет, папá, — наследник улыбнулся, — я же ещё не царь.

Император разорвал склеенные края. Крупными печатными буквами там было написано:

Если ты казнишь их, мы казним тебя
и наследника

Посмотрев на отца, Николай испугался. Он никогда не видел его в таком гневе. Багровое лицо, побелевший кулак, в котором он сдал записку. Показалось, что из бумажного листа вот-вот закапает на ковёр вода.

— Где ты это взял? — император смотрел в пол, боясь опалить взглядом сына.

— Нашёл у себя в кармане, в новом костюме, — глядя на отца чистыми глазами, ответил Николай.

«Они здесь, во дворце, проникли даже в детские покои! Уже могли „казнить“. Кто? Караул, обслуга? Нет, тут нельзя оставаться».

Он позвонил в колокольчик. Дежурный офицер тотчас вырос в дверях.

— Пригласи срочно министра двора!

— Что там, папá, написано?

Александр задумался всего на секунду: «Узнает, станет бояться... Но Ники не просто двенадцатилетний мальчик, не оранжерейный цветок. Он наследник престола».

— На, прочти!

Николай разгладил смятую бумагу на краю стола. Шевеля губами, прочёл.

— А кого казнить? Тебя и меня?

— Убийц деда!

— Это мне понятно, — умиляя отца серьёзностью, сказал наследник. — А за что они хотят казнить нас с тобой?

— За то, что мы самодержцы. Я теперешний, а ты будущий! — вскричал император. — Не бывать этому, не бывать!

Услышав раскаты царского баса, граф Адлерберг замешкался у двери. В памяти мелькнуло: «Гроза царя — как бы рёв льва: кто раздражает его, тот грешит против самого себя. Уж не я ли чем раздражил?» Открыл дверь.

— Вызывали, ваше величество?

— Ответьте мне, граф, здесь царский дворец или проходной двор? — император взял из рук сына записку, протянул побледневшему министру: — Читай! Это лежало в кармане костюма наследника.

— Неслыханная дерзость, ваше величество, — как трава под ветром, склонился Адлерберг. — Негодяи будут найдены! Можно забрать это с собой? — он показал на записку.

— Пусть этим занимается Лорис-Меликов, вас же попрошу подготовить Гатчинский дворец. Я не могу оставлять семью здесь, куда пудами проносят динамит и разгуливают с такими записками.

— А на какой день назначите переезд?

— На завтра!

— Ваше величество, дворец не отапливался. За зиму стены промёрзли, будут отпотевать...

— Пусть я буду спать в шубе и в валенках, но без опаски, что меня взорвут или зарежут в постели! — император посмотрел на сына и сбавил тон: — Подготовьте для начала несколько комнат...

После ухода Адлерберга он обнял сына:

— Не бойся, Ники. Пусть они боятся меня!

— Я не трушу. Ты же подарил мне ружьё.

— Иди, у тебя занятия!

Наследник поклонился и вышел. Государь взял в руки недочитанное письмо Толстого:

К этим людям в душе Вашей должно быть чувство мести, как к убийцам отца, и чувство ужаса перед той обязанностью, которую Вы должны взять на себя. Более ужасного положения нельзя себе представить, более ужасного потому, что нельзя себе представить более сильного искушения зла...

«О каком ужасе он рассуждает, перед какой „той обязанностью“?» Император ещё раз перечёл эти строки и, смутно догадываясь, стал читать далее:

Враги отечества, народа, презренные мальчишки... Мальчишки, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как очистить от этой заразы Русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов...

«Ну уж совсем и не мальчишки! — подумал Александр. — Тот же Желябов, Михайлов, Кибальчич. Этого требует не моё личное чувство, даже не возмездие за смерть отца. Этого требует от меня мой долг, этого ожидает от меня вся Россия...» Государь вспомнил протянутую к нему ручонку сына с запиской, прикрыл глаза: «Граф Толстой вообразил себе, что уже читает мысли царей. Приват-доцент философии Соловьёв, закативший речь в большом зале кредитного общества для студентов и курсисток, тоже призывал помиловать убийцу Александра II и угрожал, что если не последует милостивое прощение, то „мы, люди мысли, от него отвернемся“. От меня отвернутся. Толстой же пишет об искушении. В чём же он видит моё искушение? Их судит суд, закон, а не я». Сильно надавливая ладонью, вытер глаза и продолжал читать:

Бог не спросит Вас об исполнении царской обязанности, а спросит об исполнении человеческих обязанностей.

«Эко хватил, — тряхнул головой государь, — ещё как спросит! Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его», — вспомнились ему слова Священного Писания.

«Не от радости и умиления дрогнет сердце у миллионов, как считает граф Толстой, а от гнева и недоумения, если помилую душегубов отца, — подумал Александр и тут же вспомнил записку: *Если ты казнишь их, мы казним тебя и наследника.* — Не придут они к Богу, а воспримут помилование за мой страх перед ними. Станут настырнее и злее, а студенты и курсистки, что рукоплескали бомбистам, моё прощение воспримут как оправдание, правоту преступников. Пойдут за ними...»

Ему не дали додумать. Приехал с докладом Лорис-Меликов, весь — сгусток энергии. Горячие глаза под кустиками густых чёрных бровей, волевое горбоносое лицо министра внутренних дел и шефа жандармов излучали уверенность и силу.

Толково и чётко он доложил о ходе следствия об убийстве императора. Арестован некий Кибальчич, изготовивший бомбы. Заметил, что этот техник — сын священника. Сообщил также, что недавнее распоряжение градоначальника никого не пропускать в Петербург, не опросив, через заставы вызывает ропот. Каждое утро на рынки в город направляется с молоком, маслом, мясом, огромное количество крестьян и торговцев. Были случаи — через заставы не пропускали даже похоронные процессии...

Во время доклада министра государь почувствовал необъяснимое раздражение и даже неприязнь к нему. И потому ничего не сказал о подброшенной наследнику записке. Лорис-Меликов почувствовал нерасположение государя и сник.

После его ухода император вышел в приёмную, где ожидали своей очереди ещё два министра — великий князь Николай и петербургский градоначальник Баранов. Все встали, приветствуя царя. Поверх напомаженных причёсок и лысин с портрета на стене скорбно взирал убиенный отец.

И только тогда Александр понял, чем так раздражал его Лорис-Меликов. Он не уберёт отца...

Будто вторя настрою государя, Баранов рассказал, что будто до покушения было донесение некоего Гольденберга, что на Малой Садовой роется подкоп. Лорис прочитал, но не придавал этому значения. И многие теперь говорят, что он цареубийца...

Через день всё тот же Лорис-Меликов прискакал в Гатчинский дворец и доложил, что письмо с угрозами наследнику положила в карман француженка-модистка, которая шила ему костюмчик...

— Графа Толстого и этого философа Соловьёва в мою бышку. Посмотрел бы, как они запели! — не сдержался государь в разговоре со своим бывшим учителем законовеведения, обер-прокурором Святейшего Синода Победоносцевым.

На это Константин Петрович, открыто глядя на своего венценосного воспитанника, ответил:

— Сам Господь остерегал: *не прикасайтесь к помазанным Моим и пророкам Моим не делайте зла.* И ещё, — Победоносцев возвысил голос: — Никто не смеет взять сердце царёво из руки Божией и не погибнуть при этом. Никто!

7.

Суд и казнь цареубийц

После похорон государя поиски злодеев в Петербурге усилились. В сети, разбросанные полицией, попадались всё больше плотва и ёршики из косяков студентов-нигилистов. Но случались и осётры. Арестован был ещё один техник с двумя оторванными во время производства взрывчатки пальцами. Градоначальник на вопрос барона Фредерикса, как поймали,

отшутился: «Не знаю!» Попались два моряка из минной команды. Генерал-майор Гейнс завёл в Казани двенадцать дел против крестьян, оправдывавших убийство царя.

Известная в Северной столице сладкими обедами и речами генеральша Богданович (в девичестве Бутовская) писала в своём дневнике:

Сейчас Россия разделилась на три лагеря, где более вражды, нежели у турок с русскими. Одни за самодержавие, другие за кабинет, третьи — за Конституцию. В этом хаосе ничего не поймёшь.

В конце марта состоялся суд над цареубийцами. Интеллигенция вслед за Толстым и Соловьёвым ратовала за помилование, народ — за виселицу.

Публику в зал суда пускали исключительно по билетам. За столом-подковой восседали сенаторы-судьи. По левую руку от них на возвышении горбились цареубийцы, ниже, «у них в ногах», известные всему Петербургу защитники.

Среди публики был замечен и граф Лев Толстой. В его словах, в раскланивании со знакомыми, во всем его облике чувствовалась простота величия.

Только что, в январе, умер воспевший «слезу ребёнка» и спасение во Христе через страдания и голгофу великий Достоевский. Десять церковных хоров отпевали усопшего писателя. Опустевший литературный трон безраздельно принадлежал теперь ему, графу Толстому. С этого трона он и послал письмо молодому государю с предостережением о мести за гибель отца.

И теперь, цепко вглядываясь в подсудимых и как бы различая на их лицах печать смерти, Лев Николаевич сожалел, что унился в письме: *ничтожный, непризванный и слабый.*

По настрою судий, ответам и речам подсудимых он понимал, что будет вынесен смертный приговор.

Ранее Желябов прислал ему три письма с изложением своих взглядов. Первое он подписал: «Начальник социалистической партии и народный учитель», второе — «Гражданин Желябов», а третье — «Ваш покорный слуга». Непримирым противником самодержавия, выходец из народа, главарь, представитель «новых людей», он очень занимал Толстого. Но, пожалуй, больше всего Льва Николаевича интересовала племянница петербургского вице-губернатора, «дворянская кровь» Софья Перовская. Говорят, что она находилась в связи с Желябовым и после его ареста возглавила подготовку покушения.

«И тогда самка повела волчью стаю на охоту»... Толстой, как ни старался, не мог издали разглядеть выражения её мучнисто-белого лица. Но замечал, что публика поглядывает на него самого с не меньшим любопытством, чем на подсудимых. Это льстило и в то же время раздражало, мешало наблюдать.

«Что её-то подвинуло, евшую и пившую на серебре? Неудовлетворённое женское начало? Прельстила слава парижской проститутки с голой грудью и знаменем на уличной баррикаде?.. Какая наглость! Опять эта молоденькая дама рассматривает меня из-под вуальки в лорнет. Чем-то смахивает на Катюшку! — и он улетел мыслями к себе в Ясную Поляну: — Ах ты, Катюха, ах ты кобылка норовистая. Сама супруга, любезная Софья Андреевна, выбрала её в горничные. Липучку окаянную, мёдом намазанную. Эх, грехи наши...

Постой, а что там бормочет этот угрюмый тип Кибалевич, или как там его?» — Толстой отмахнулся от воспоминаний о горничной и прислушался. Кибальчич жаловался,

будто при аресте городской замахнулся на него шашкой. Один из судей, сенатор Фукс, с белой холёной бородой, при бакенбардах и звёздах, вызвал городского и спросил его: «Что понудило тебя, братец, обнажить саблю?» Городовой смешался, запереступал, как конь перед препятствием...

Лев Николаевич достал свою кожаную тетрадь и стал вносить пометки, но скоро опять отвлёкся: «Сколь же бестактна эта дама с дурацким лорнетом! Разглядывает меня, будто букашку какую...»

При допросе Перовской он уже забыл про даму с лорнетом, слушал, как всё тот же сенатор Фукс пытался склонить её к раскаянию:

— Чистосердечное признание и выдача суду сообщников дадут нам основание избавить вас от виселицы...

— Да не боюсь я вашей виселицы! — задрожав, выкрикнула в ответ Перовская.

— Не бойтесь виселицы, побойтесь хоть Бога! — взъерошил бакенбарды рассерженный её выпадом сенатор.

— И Бога вашего не боюсь. И помилования не хочу от тирана!

— Кого же вы боитесь? — спросил другой судья в генеральских погонах, моложавый и хмурый.

— Боюсь за бесправный угнетённый народ! — всё тем же тонким, на срыве, голосом вскричала Перовская. — Это вы за себя бойтесь. За нами пойдут тысячи и сметут тирана!

В зале стало тихо, было слышно, как постукивают о стакан зубы пьющего воду Фукса. Лев Николаевич взгляделся в знакомое лицо едко усмежавшегося судьи-генерала:

— Хотите, мы вас избавим от приговора и прямо на площади отдадим в руки народа!?

— Не имеете права. Лучше виселица! — смертельно побледнела Перовская.

«Софья. Её звать Софьей, как и мою супругу, — подумал Толстой и усмехнулся в бороду: — У всех Софий, что ли, столько железа в характере? И откуда у этих народовольцев такая сила духа? От веры в идею всеобщего счастья? Самоотвержение ради блага народа. Вера! Собрать бы сюда всех петербургских попов, всех чванливых церковных иерархов: „Учитесь, как истово надо верить в своё!“».

В тот день был вынесен приговор: всем пятерым смертная казнь через повешение. Только двое осуждённых — Рысаков и Михайлов — подали прошение о помиловании. Самая незаметная и молчаливая среди цареубийц Геся Гельфанд заявила суду о своей беременности. Оттого исполнение приговора было отложено. Помилования тем двоим не последовало. Это был царский ответ и на письмо Толстого, в том числе, воспринятый им как нравственная пощёчина.

Не дожидаясь 3 апреля — дня казни, писатель уехал к себе в Ясную Поляну, злясь, что царь не внял его мудрости и завяз «в делах зла, называемых государственной пользой».

Казнь состоялась на Семёновском плацу при огромном стечении народа, полиции и филёров в штатском. Преступников привезли на позорных колесницах с досками на груди: «цареубийца». Одна особа из толпы поприветствовала Перовскую. Её сразу стали бить. Она бросилась наутёк. Вбежала в дом по Николаевской улице. Швейцар запер дверь. Толпа разнесла её в щепки. Избили швейцара и даму-беглянку. При схватке у дамы из кармана выпал револьвер...

Тем временем началась казнь. Вот как она описана пером очевидца:

Повешен первым Кибальчич. Его удачно повесили, он скоро умер. Потом Михайлов, который был четыре раза (если

можно так выразиться) повешен: первый раз он упал на пол; второй раз верёвка отвязалась, и он упал во весь рост; в третий раз растянулась верёвка; в четвёртый раз его пришлось приподнять, чтобы скорее последовала смерть, так как верёвка была слабо завязана. Доктора в таком положении держали его десять минут. Перовская была удачно повешена, и смерть наступила быстро, но Желябову и Рысакову пришлось долго промучиться, так как палач Фролов (единственный во всей России палач) был так потрясён неудачей с Михайловым, что этим обоим дурно надел петлю, слишком высоко, близко к подбородку, что и замедлило наступление агонии. Пришлось их вторично спустить и повернуть узлы прямо к спинной кости и, завязав их покрепче, снова представить их ужасной участи...

Подходил к концу Великий пост. Страшные мартовские события всё более отдалялись. Наступила Страстная неделя. Утомлённый долгим совещанием «Совета двадцати пяти» под председательством петербургского градоначальника генерала Н. Баранова, государь приехал во дворец вечером. Желая отдохнуть душой, он собрался зайти в детскую. Когда, сбросив шинель, он шагал по коридору, на лице его то угасала, то опять появлялась улыбка.

Только что был избран совет из именитых граждан Петербурга для борьбы с нигилизмом и террором. Выдвигались дельные предложения. Адресуя их царю, члены совета подписывались: «Совет двадцати пяти», а ниже ставил свою подпись градоначальник. И получалось «Совет двадцати пяти „Баранов“». Это и развеселило государя под вечер трудного дня. У двери детской он остановился.

— Не буду, я не хочу бросать бомбу! — услышал он плачущего Жоржа. — Отчего сам не хочешь, а меня заставляешь?!

— Но это же понарошку. Мы с Ники — сенат, будем тебя судить! — император узнал голос Володи, сына мадам Олленгрена. Ему позволялось играть с царскими детьми.

— Ага, а потом приговорите меня повесить, как царевубивца!

— Вешает не суд, а палач Фролов, — раздался за дверью голос наследника. — Дело суда — приговорить. Но я тебя помилую.

«Откуда фамилию палача-то узнали?» — подивился император и оглянулся: не идёт ли кто, увидит, как царь подслушивает.

— Всё равно не буду! — упрямылся за дверью Жорж. — Я тоже хочу с вами быть судьёй!

— Тебе нельзя. Ты великий князь, они не бывают судьями! — убеждённо звенел Володькин голос. — Чего робеешь? Ники же пообещал тебя помиловать.

— Так нечестно, Ники. Папá же никого не помиловал.

— Там одну женщину, забыл фамилию, тоже в банде была, помиловали. Беременную.

Государь затаил дыхание: «Ох и пройдоха этот Володька! Везде мотается, всё знает, даже про беременную Гельфанд...»

— Ты, Жорж, пусть тоже будешь беременный, — расхохотался Ники, а следом и Володька.

— Родишь нам Буратино и Мальвину, — захлёбываясь от хохота, выкрикнул Ники. — Буратино Жоржович!..

Улыбнулся и государь: «Да, это уже не фарфор и не оранжерейные цветы!» Детский смех как бы заставил увидеть себя со стороны. Будто смеялись над ним. Он, император всея Руси, подслушивает под дверью. Но подумал и остался стоять.

— Дурак! Сам родишь! — захлюпал носом Жорж. — Скажу, как вы заставляли меня мокрый песок за пирожное есть.

— А доносчику — первый кнут!

При этих словах Ники государь хмыкнул. За дверью притихли. Он уже хотел войти, как опять заговорил Володя:

— А ты знаешь, Жоржи, почему беременных не вешают?

— Знаю.

— Почему?

— Они толстые.

Дети покатались со смеху.

— Эх ты, не знаешь! — смеясь, проговорил Володька. — Потому что там, в животе, на ребёнка нельзя петлю накинуть.

— О Господи! — перекрестился государь и вдруг почувствовал, что не сможет сейчас войти и взглянуть на детские лица.

На цыпочках он отошёл от двери и поднялся к себе в покои. Долго не мог уснуть. Разговор в детской вызвал в памяти события казни. Ему докладывали о её плохой организации. Когда принесли прошения о помиловании Михайлова и Рысакова, у него мелькнула мысль помиловать именно Михайлова. Рысаков бросил бомбу, решившую судьбу государя. А Михайлов? Если бы тогда не записка с угрозой, которую принёс Ники, он бы помиловал. И теперь сквозь навалившуюся дрему проступала мистическая догадка, что даже смертная петля — роковая верёвка — растягивалась и рвалась. И это было ему знаком свыше.

На Страстной неделе, в Великий Четверг, государь исповедовался и причастился Святых Христовых Таин. Исповедовал протопресвитер Рождественский, старенький, пахнущий ладаном. Глядя на его сухонькие, в старческих коричневых пятнах руки, Александр вспомнил, как протопресвитер подносил лжицу с Причастием к губам умирающего отца. Мысль об отце, о смерти как бы высветила все его согрешения пронзительным безжалостным светом, подвигла к благоговейному ощущению, что он предстоит пред Самим Господом Богом.

В сокрушении сердца он приносил покаяние в том, что не помиловал Михайлова, что в душе до сих пор злился на Лориса-Меликова, не уберёгшего отца...

После причастия государь был тих и ровен. Вечером более часа он пробыл в детской.

— Папá, а прикажи, чтобы Боженька воскрес завтра, и мы стали разговляться! — попросил Жорж, взобравшись на колени к отцу.

— Не могу! — рассмеялся император. — Это выше моих сил.

— Не обманывай, тебя все слушаются! — Жоржи подёргал отца за ус.

— А тебе зачем?

— Мороженого захотелось. На Пасху всегда подают к столу мороженое.

— Ники, иди к нам! — государь повернулся к наследнику, сидевшему на коленях перед игрушечной железной дорогой.

— Сейчас, только включу!

Ники нажал кнопку, паровоз тронулся, из будки вышла сторожиха, взмахнула флажком...

— Да, папá.

— Объясни Жоржу, почему нельзя перенести праздник Пасхи.

— Но Христос ещё не воскрес... Его ещё... Он ещё не взошёл на Голгофу, — тоненький, светлый, Ники глядел на отца бесстрашно и с обожанием.

Государь прижал его к груди, поцеловал в макушку: «Каков-то будет царский крест Николая Второго?»

На Пасху по Петербургу разбросали деревянные крашенные яйца с прокламациями внутри. Опять требовали Конституцию, но обращались уже уважительно: «Ваше величество». Сверху же листа был нарисован чёрный топор...

8.

Кто создаст памятник царской кормилице?

В 1881 году на Светлой седмице под своды Гатчинского дворца привезли четырёх деревенских женщин, царских кормилиц. Трое из них были молодые, румяные, вальяжные. Четвёртая же совсем старуха, но бодрая, улыбчивая. Пока их переодевали в парчовые сарафаны и кокошники, на царской половине готовились к встрече. Сам царь заранее заказал для старухи на фабрике Блигкена и Робинсона её любимую «мамуровую» пастилу. Готовилось много и других угощений и подарков.

Нарядных смущённых женщин встречал сам государь с супругой. Впереди чинно ступала старуха. Дворцовая обстановка её не поражала, была уже привычной. Она похристовалась — звучно трижды расцеловала царя в обе щеки. Для этого Александру пришлось нагнуть к ней голову. Потом так же чинно она поклонилась до земли царице. И Мария Феодоровна сама чмокнула её в щеку.

Привели детей. Ники и Жорж, как бы стесняясь своих мамок, жались в сторонке. Шестилетняя же великая княжна Ксения, вся в бантах, похожая на белый цветок, бросилась кормилице на шею. Трёхлетний младшенький Миша обхватил свою няню за ногу, прижался. Объятия, поцелуи.

Эти няньки-кормилицы были из одной деревни, что неподалёку от Ропши, из здоровых крестьянских семей. За всё время службы им полагалось неотлучно жить во дворце с царскими детьми. Своих новорождённых они оставляли на попечение сестёр и золовок, у которых были свои груднички... Кормили грудью царских отпрысков до года и более. Им полагалось хорошее жалованье. Ели и пили с царского серебра. По окончании службы кормилицам построили в деревне дома и выплатили единовременное пособие. По традиции

кормилиц каждый год приглашали во дворец на день Ангела их воспитанников, на Рождество и на Пасху.

С молоком крестьянок из-под Ропши и с Валдая царственные отпрыски впитывали в себя извечные страдания золотого русского сердца, обретали русскую душу. В чистых глубинах её черпали православную веру, жалость к сирым и обиженным, тягу к правде, русскую смекалку и русскую удаль...

И несть числа примерам русскости самодержцев Романовых. Взбунтовавшаяся в жилах Александра I русская кровь подвигла его гнать «Наплюена» Бонапарта от Москвы аж до самого «французского Парижу». Те самые душевные токи, перетёкшие с молоком кормилицы в царя Николая I, помогли ему обуздать неумное своеволие и подавить восстание декабристов на Сенатской площади, грозившее сбить Россию с пути Православия...

Сохранилось письмецо одного из самых суровых самодержцев Николая I:

Моя няинька! Посылаю Вам гостинцы. Пожалуйста, поделитесь с моими Катеньками и поклонитесь им от меня. Я Вас люблю и буду всегда помнить.

Николай. Мая 2-го дня 1803 года.

Бесстрашие мужиков-охотников, ходивших на медведя с ножом и шапкой*, передалось с грудным молоком валдайской кормилицы Александру III.

И когда при известной встрече австрийский посол попытался припугнуть русского царя отправкой на Балканы «двух или трёх» отборных корпусов войск, в ответ самодержец

* Охотники подбрасывали сверху шапку. Медведь, лоя её, вставал на дыбы, а охотник подбегал к нему и бил ножом.

взял со стола серебряную вилку, завязал её в узел и положил на скатерть перед послем: «Вот что я сделаю с вашими двумя или тремя корпусами!»

В эти благодатные пасхальные дни здесь, во дворце, все были рады встрече. Мишель восседал на руках своей кормилицы. Ники повёл свою мамку в детскую хвалиться железной дорогой. Глядя, как мчит по рельсам паровоз и кондукторша машет флажком, она ахает, зажимает рот ладонью:

— Гляди, гляди, Коленька, как бы она под паровоз не сорвалась! Сама не хватится, как ноги отрежет!

— Свалится, как же! Никуда она не свалится. Она механическая, на рычагах.

— Не понимаю я в этих рогачах...

— Рычагах, а не рогачах, — наследник уже икает от хохота.

Глядя на него, смеётся и мамка.

Александр III и его кормилица-старуха пьют чай с её любимой «мамуровой» пастилой.

— Чего ты слезу, старая, пустила? Обидел кто? — допытывается государь.

— Так я вспомнила, как тебя нянчила.

— Что ж, обижал тебя?

— И это было.

— Дрался, что ли?

— И дрался. Ночью раскричишься. Встану кормить, а ты за волосья уцепишься и тянешь. Зато какого богатыря выпестовала, — старуха отёрла ладонью слезу. — А ты сам-то за этот год дюже изменился. Говорят, в рюмку заглядываешь. Гляди, а то...

— Не лезь, старая, куда тебя не просят! — перешёл совсем на нянькин язык Александр, оглянувшись, не слышит ли Минни*.

* Супруга государя Мария Феодоровна.

Накануне она всё пеняла ему и генералу Черевину за излишние возлияния*.

Любого министра, боевого генерала такой гневный окрик царя по колено загнал бы в землю, а старая лишь губы поджала:

— Ишь, осерчал, значит, правду бают.

— Не твоё дело, сказал!

— А то чьё же?!

Примирил их любимец Мишель. В ответ на звучный поцелуй кормилицы он пригрозил, вытирая щеку ладошкой:

— Вот вырасту и женюсь на тебе!..

Хохотали все, и царь тоже.

9.

Как прачка раскрыла заговор

Тащился по Невскому бродяга, косоротый, без шапки, сизый от холода. На плечах — рвань. Навстречу ему вышагивал священник — осанистый, широколикий, в новой, на меху, скуфейке, из-под подрясника хромовые сапоги поблёскивают. Встречные узнавали в нём самого Иоанна Кронштадтского, кланялись, кто-то просил благословления. За ним поспешал румяный служка, тоже во всём добротном. Поравнялись, сошлись взглядами. Миг один, а сколь след велик бывает...

Остановился священник, голубоглазый, весёлый, поманил к себе оборванца. Тот подошёл, поклонился, выпростал из-под лохмотьев грязные кисти, сложил ковшиком:

— Подай, батюшка, сколь не жалко!

* Генерал Черевин — товарищ Александра III.

— Ну так уж и быть! — перекрестил оборванца священник, прислонился спиной к ограде, приподнял одну ногу.

— Сергей, тяни, брат, сапог! — велел опешившему служке.

— Батюшка, да неужто этому огарку отдашь?

— Тяни!..

Служка стал снимать сапог.

— Во-о, молодец, теперь другой. Отдай ему!

Служка перехватил за голенища, сунул в руки бродяге:

— Держи, что ли, краснолапый!

— Носи, не стаптывай да никому не сказывай! — засмеялся священник, стоя на льду в белых шерстяных носках. — Обувай при мне!

— Батюшка, отец Иоанн, ты ведь только кашлять перестал, застудишься! — по-бабьи хлопывал себя по бокам служка. — Мои хоть обуй!

Потом сверкнул глазами на оборванца:

— Надевай, раз батюшка велит! Манерничаешь тут!

Очнувшись от окрика, оборванец в секунду напялил сапоги на мокрые лапы. Хлопал посиневшими вытаращенными глазами-напёрстками.

— Ну вот. Носи, Сеня, не стаптывай, во славу Божию! — подмигнул батюшка. — Мысли же эти окаянные гони прочь. Ишь чего удумал. Ну-ка давай мне свою верёвочку!

— Дык... это вона, — так и сел наземь оборванец. — Это я так брякнул, что удавлюсь. Симку попугать. Верёвочка-то праховая, не удержит. Сам погляди, — оборванец протянул отцу Иоанну бечёвку с пристывшим обломком сургучной печати.

— Бес-то и на такой тебя удавит. Молись Арсений, — перекрестил его трижды. — Теперь у тебя другая дорога, мимо кабака. Карты-то отдай-ка, они больше тебе не сгодятся, и матушку родную зайди проведать. Соскучилась...

Пока он говорил, служка подозвал извозчика. Оборванец опять сложил грязные руки ковшиком:

— Благослови, батюшка. Благодетель, век за тебя молиться стану...

Пролётка завернула за угол, а оборванец всё утирал слёзы, чувствуя, как отогреваются ноги в подаренных сапогах...

С другой стороны улицы, наискосок, стоял морской офицер и злобно хмурился: «Поп, толоконный лоб, юродствует, Царствие Небесное зарабатывает! Коли добыл бы деньги в поте лица, не раскидывался бы хромовыми сапогами... Ладно, недолго вам над народом измываться осталось». Посмотрел на часы, заторопился. К десяти должен был подойти на квартиру связной, забрать «игрушку».

Этим статным военным был лейтенант флота, член исполкома «Народной воли» Николай Евгеньевич Суханов, отдалённо причастный к покушению на Александра II. Теперь замышлялось новое. Молодой царь не дрогнул и никаких конституций принимать не собирался. А посему... Подложенные под Каменным мостом и под Балтийской дорогой мины могли решить дело. «Святая месть за повешенных товарищей. Ничего, мы избавим народ от молодого тирана, что затягивает петлю на его горле... Хорошо бы заодно и от наследника избавиться!» — мысленно горячился Суханов. Но всё лезли в голову эти поповские сапоги. Представил, как он сам бы вот так вылез из меховых ботинок и голыми пятками по льду, и аж содрогнулся. «Погибнуть на эшафоте за народное, за свободу... Проклятый поп, сапоги отдал пропойце! Ещё смеялся... Да что я, завидую, что ли, ему?» — оборвал он себя, подходя к дому. Огляделся по сторонам, поднялся в квартиру, разделся, снял ботинки. Поглядел в окно, постукивая костяшками кулака по раме. Будто вторя ему, раздался стук в дверь. На пороге стояла прачка с корзиной белья.

— Как обещалась, усё чистое, ваше благородие!

Каменный Сфинкс, как про себя прозвал её Суханов, прошлёпала мокрыми башмаками в угол прихожей, где наготове стоял ящик с «игрушкой», и шмякнула корзину на ящик.

— Куда ты? Взорвётся! — в ужасе рявкнул Суханов.

Когда прачка, с поджатыми губами даже при хороших чашечках, ушла, руки у него ещё дрожали: «Проклятая чухонка. Всех бы в клочья и домишко этот столетний. Какая глупая смерть! Чистое бельё бы разлетелось, хоронить не в чем. Да и осталось ли что-нибудь, чтобы похоронить?! Проклятый связной, не пришёл вовремя...»

Только после того как ящик с миной забрали, наступило облегчение. Он выпил чаю, прилёг на диван, подложил под голову скомканный плед, забылся. И поплыли перед внутренним взором честолюбивого офицера картинки борьбы за свободу и демократию. Вот он, адмирал Суханов, встаёт на капитанский мостик крейсера. Сияют эполеты на белоснежном кителе, сверкает золотой кортик на поясе... Солёные морские волны смывают эту картину, и возникает новая — ещё более величественная. Грохот литавр, крики, цветы, улыбки весёлых свободных граждан республики... Женщины посылают ему воздушные поцелуи, осыпают цветами. Он их любил, русский Наполеон...

И вдруг, как камнем в стекло, давешний встречный поп с этими хромовыми сапогами. И оторопь, и недоумение охватили «наполеона». Как изгнать из памяти эти злосчастные сапоги? Куда девать оборванца, попа, прачку-чухонку и этого связного с глазами душегуба? Им не выделено пространства в будущем земном рае социализма. А они стоят перед глазами. Поп в шерстяных мокрых носках целует троекратно бродягу...

«Нельзя туда впускать этого попа, всё нарушится. Убить его, и дело с концом!» — скрежещет в мозгу подлый дух. А где

же свобода, равенство, братство?.. А как же власть, золотой адмиральский кортик, белый конь, цветы и шляпки?..

Всё погубили, растоптали поповские хромовые сапоги.

В смятении, зарывшись лицом в пыльный плед, вспоминает он или слышит сказанное не ему, а Самому Христу сатаной: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонись мне» (Мф. 4. 9).

Потный, оглушённый страшными словами, Суханов, дрожа, встал с дивана, запустил пальцы в волосы. «Если, пав... Господи, как же я пал! Нарушил присягу царю и Отечеству, предал друзей-офицеров. Да если бы они узнали... Этот проклятый поп растоптал меня своими сапогами. Унизил своим милосердием... Не бывать этому!»

Он оделся, вышел на улицу. На ветру под вешним солнцем его решимость подрастаяла. Он пошёл сперва в одну сторону, потом повернул в другую, будто избавлялся от слезки.

А слезка за морским офицером Сухановым начнётся на следующий день. Прачка расскажет про испугавший её крик Суханова мужу, тот — барину, барин — градоначальнику. К нему приставят невзрачного, цепкого и неотвязного человечка.

Суханов тем часом вышел к рынку. Увидел старуху-нищенку, сидевшую у поленницы дров, бросил в подол четвертной билет и, усмехнувшись, пошёл домой. Косоротая старуха, сама того не зная, помогла ему одержать победу в дуэли милосердия с тем попом.

Но дальше всё случится не так, как возмечтал он, Суханов. Жандармы обнаружат мины в двух кожаных подушках под Каменным мостом. Обезвредят мину, зарытую на Балтийской дороге, по которой тоже ездит государь. Арестуют пятерых моряков из минной команды, задержат сожигательницу Кибальчича. И только потом арестуют и его, Суханова.

Об аресте морского офицера, причастного к покушению на Александра II, доложит государю назначенный министром вместо Лорис-Меликова граф Игнатъев. Доклад его очень взволнует государя. Александр III встанет из-за стола, возвысит голос:

— Нигилизм заражает флот. Этого нельзя допустить!.. Морской офицер. Чем соблазнился? Обошли в чинах?

— Не похоже, ваше величество. Блестящие характеристики по службе. Идеальный. На допросах ведёт себя дерзко. Их цель, говорит, простите, ваше величество, свергнуть тирана и установить республику.

— Свергнут, спаси Бог, самодержавие, и завтра же переделутся между собой, как собаки!

— Помилуй, Господи! — украдкой перекрестился министр. — Трибунал приговорил к расстрелу. Собирался подавать прошение о помиловании. Не получали?

— Не было. Да и не дождался бы! — император отчаянно махнул рукой. — Единожды предавший... Калёным железом выжигать эту опухоль!

— Казнить бы публично, для устрашения, как тех пятерых, — поддакнул Игнатъев.

— Чести много.

После ухода министра государь долго не мог переключиться на другое. «Сколько таких по России? Тысяча, пусть десять тысяч... на сто двадцать миллионов, — размышлял он. — Злая закваска. Отступились от Бога.

Нужна добрая закваска. В вере, в нашей православной вере надо искать эту закваску. Константин Петрович* представил проект о создании системы церковноприходских школ по всей России. Надобно поддержать, выделить средства.

* К. П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода.

Но и духовенство высшее чтобы не роняло авторитет. Весь Петербург говорит про карточку митрополита Исидора на недавней фотографической выставке. Там иерарх сидит на диване, а на столе перед ним бутылка шампанского. Графиня Цуката рядом голову ему на плечо положила, с другого бока — мадам Дуббельт за руку держит. Фотографию убрали, а слух прошёл... А сколько разговоров вокруг митрополита Платона о его приятельстве с баронессой Лизандер... Достоин ли так-то...»

И опять он вернулся мыслями к морскому офицеру Суханову. Вспомнился нечаянно подслушанный разговор в детской. «Царские сыновья играют в казнь. Мыслимо ли! Какое наследство оставлю Ники? Пожалуй, он бы помиловал этого лейтенанта...»

Через пять дней в Кронштадте на рассвете Суханова повели на расстрел. Перед смертью он исповедовался, но от Причастия отказался, ответил, что принятие Святого Таинства будет ему в осуждение.

Когда его поставили к стенке и хотели завязать глаза, он вдруг сел на землю, снял ботинки не меху и протянул конвоиру: «На, носи, братец!..» И ещё что-то про поповские сапоги пробормотал. Солдат не понял. Но когда скомандовали «Пли!», жалея, выстрелил ему прямо в сердце.

10.

Первый шажок принцессы к русской голгофе

Наследнику царского престола великому князю Николаю Александровичу шёл шестнадцатый год. У него уже пробиваются усы, ломается голос. Мундир с эполетами сидит

на нём как влитой. Волосы на голове разобраны по-взрослому на две стороны с пробором. Но глаза и губы — детские. Цесаревич весел, силен и ловок. Может двадцать вёрст проскакать на любимом арабском жеребце Жаворонке, а после танцевать весь вечер.

Ну и что, что у старшего сына уже усы! Его мать, императрица Мария Феодоровна, ещё молода, озорна и радостна. Широкая спина царственного супруга загораживает от неё виселицы с цареубийцами, а мелодии мазурок и вальсов заглушают винтовочные залпы и предсмертные стоны «рыцарей террора». Минни, как зовёт её государь, ещё, шаля, возит по навощённому паркету на шлейфе платья своего младшенького Мишеля и двухлетнюю дочку Ольгу. А те визжат от счастья.

В море обожания юных фрейлин, под водопадом комплиментов бойких поклонников Минни чувствует себя беззаботной золотой рыбкой и готова танцевать до утра. Императорские балы гремят за полночь.

— Саша, вели музыкантам продолжать играть! — сияя улыбкой и бриллиантами, шепчет Мария Феодоровна на ушко императору. — Ведь ещё так рано.

— Минни, угомонись, три часа ночи! — Александр вздыхает, но глядит на супругу с обожанием. — С утра много дел.

— Ну Саша-а, душка мой! — и она летит в танце...

Кивком головы государь подзывает распорядителя бала и что-то тихо ему говорит. Тот с улыбкой склоняет голову. Вот музыканты, по одному, встают и уходят. Остальные продолжают играть. Наконец их остаётся всего двое. Минни хохочет и грозит царю пальчиком...

— Дай Бог, чтобы наши дети были счастливы в любви, как мы с тобой! — шепчет Мария Феодоровна, засыпая на мочушкой руке супруга.

В то же лето 1884 года на уже багровеющем небосводе Российской империи появляются два маленьких чудных свечения. Начинается робкое движение навстречу друг другу двух юных сердец.

Одно бьётся в груди наследника российского престола, другое трепещет в Солнечном Лучике — так зовут маленькую Алису родные. Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса — шестой ребёнок в семье герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV и его супруги, принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории. В то лето двенадцатилетняя принцесса в густой толпе родственников приезжает в Россию на свадьбу старшей сестры. Элла венчается с братом царя Александра III, великим князем Сергеем Александровичем.

Под сводами православного храма, в окружении сонма святых, взирающих с иконостаса алтаря и настенных росписей, под чудные песнопения митрополичьего хора происходит встреча Ники и Алисы. В венчающихся родственниках прозревают они своё будущее.

Высокий статный красавец-жених в парадном генеральском мундире и сказочная Царевна Лебедь, протягивающая белую руку-крыло для золотого кольца. В трепетном сиянии тысяч свечей, в возносящемся ввысь кадильном дыме, золоте венцов на головах жениха и невесты, в густом басы седебородого священника видится и слышится маленькой принцессе её будущее. А тянущий из распахнутых дверей сквознячок так похож на веяние ангельских крыл.

Забыв обо всём на свете, Ники смотрит, как надевают обручальные кольца. Алиса ладошкой прикрывает улыбку — так смешон этот царственный юноша с полуоткрытым ртом. Пламенем венчальной свечи трепещут неясные мысли и желания.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, наследник сжимает губы и поднимает глаза на маленькую насмешницу...

На семейном обеде в Петергофском дворце они сидели рядом. «Обедали всем семейством. Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась», — донесёт до нас первые чувства цесаревича его дневник.

Вечером наследник показывал юной даме Петергоф. С ним было легко. Ники смешил Аликс рассказами, и по-английски этот русский царевич говорил с оксфордским произношением.

Он передал ей по секрету, как ночью они с братом прокрались мимо залы с гробом убитого деда-императора к воющему на весь дворец сеттеру Милорду. Увидев, что она зашмыгала носом, взял её за руку. Не отнимая подрагивающих пальчиков, Алиса тоже поделилась с ним сокровенным. Однажды её братья Фридрих и Эрнест расшалились в спальне матери. И трёхлетний Фредди с разбега выбил подгнившую оконную раму и упал вниз на каменные ступени. У него не было никаких переломов, но началось внутреннее кровотечение, и брат умер. У него была гемофилия, «проклятье рода Кобургов»*.

— Когда же Господь забрал мою маму, меня отправили в Англию к бабушке. Я росла там, — и катились девичьи слёзы, и всё сильнее дрожала маленькая ручка в ладони цесаревича...

В тот же вечер, стоя у окна итальянского домика, бриллиантовой брошью, которую подарил Ники, они нацарапали на стекле их имена — «Аликс и Ники».

Когда наследник заявил матери, что Алиса ему очень понравилась, и он хотел бы ей сделать подарок, царица дала

* Болезнь несвертываемости крови пришла в королевскую династию от матери королевы Виктории, принцессы Саксен-Кобургской. Дочери королевы Виктории — Алиса, Беатриса и Виктория — передали эту болезнь своим детям. Гемофилия передаётся по женской линии, но поражает только мужчин.

ему эту бриллиантовую брошь. Отец Алисы, увидев у дочери дорогое украшение, велел вернуть его. Но бриллиант сделал своё дело: знаками на стекле он обозначил два разгорающихся на небосводе Российской империи прекрасных и трагических сияния: «Аликс и Ники». «Мы друг друга любим», — напишет в дневнике будущий император. А что маленькая принцесса? Через тридцать два года после вечера в итальянском домике Петергофа в письме Николаю II она признается: «Моё детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью».

Тогда же, в двенадцать лет, Дармштадтский Цветок, Солнышко, принцесса Гессенская сделала первый робкий шаг к своей русской голгофе.

11.

Царь завязал серебряную вилку узлом: «Вот что я сделаю с двумя вашими корпусами на Балканах!»

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Ни разу за тринадцать лет царствования Александр III не обнажил меч. Истины Христовы были для него путеводной звездой.

С царского престола звучали отлитые в золото православной веры слова венценосца: «Глас Божий повелевает нам встать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысл, с верой в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на неё поползновений».

И охранял для «блага народного». Делал всё, чтобы великие реформы, проведённые Александром II, «память

которого благословенна вовеки», работали именно на благо народа. Надо было «водворить порядок, правду в действии учреждений», вызванных к жизни этими реформами. И водворяли.

Понижались выкупные платежи, отменялась подушная подать. Был учреждён крестьянский поземельный банк с выдачами мелкого кредита. Оказывалась огромная денежная помощь крестьянам в неурожайные голодные годы. Царь был озабочен не пресловутыми «французскими» свободами, а созданием благосостояния для освобождённой личности.

Правительство заботилось о развитии торговли и промышленности, смело повышало пошлины на иностранные товары. Не испугалось таможенной войны с Германией в 1893 году. «Россия для русских!» За этот лозунг Александра III нынешние либералы причислили бы государя к националистам, а то и к фашистам...

Открытый, мужественный, бесстрашный и осторожный, Александр III сумел поставить себя так, что Европа покорно ожидала, «пока русский царь удил рыбу».

После Турецкой кампании 1877–1878 гг. и унизительно для России Сан-Стефанского договора и его пересмотра на Берлинском конгрессе Россия отказалась от европейского тройственного империалистического союза и сблизилась с республиканской Францией. Отношения с Германией и Австрией стали опасными, как кинжальное лезвие. Не тогда ли австрийский посол на встрече с русским царём заявил про два-три корпуса элитных войск, готовых выступить на Балканы? Мир висел на волоске.

«Германия никого не боится, кроме Бога», — гордо заявил Бисмарк, выслушав отчёт посла о той встрече с Александром III.

Тогда посол извлёк из портфеля скрученную узлом серебряную столовую вилку. Положил на стол перед Бисмарком.

— Что это такое? — изумился тот.

— После моей угрозы отправить на Балканы два наших элитных корпуса русский император взял со стола эту вилку, скрутил её в узел и сказал: «Вот что я сделаю с двумя вашими корпусами на Балканах!»

Да, нам есть чем гордиться в эпоху царствования Александра III... Но и стыдиться тоже есть чего. С первого дня восшествия на престол за ним тоже началась охота. Первым страшную «бомбу» бросил не какой-нибудь оголтелый метальщик из «Народной воли», а тот, кто не за страх, а за совесть охранял устои государства Российского и лично государя. Им оказался быстроглазый и напористый министр внутренних дел и шеф жандармов Лорис-Меликов. Бомба эта называлась «Проект Конституции».

О ней и повёл речь Михаил Тариэлович во время одного из докладов царю. Граф был убеждён, что только принятием Конституции можно искоренить нигилизм и террор. Он говорил:

— Мы выйдем у них почву из-под ног. Им тогда не за что будет бороться. Смею напомнить, ваше величество, что проект был одобрен незабвенным императором Александром II. Это, можно сказать, его последняя святая воля, — сверкая агатовыми глазами из-под чёрных бровей, убеждал министр.

Он знал ахиллесову пяту царственного собеседника и метил в неё. Александр III свято чтит волю отца.

— Надобно принимать, ваше величество. Это снимет напряжение в обществе. Мы нанесём смертельный удар по всем этим революционерам...

Александр III выслушал министра в глубокой задумчивости. Вспомнил, с какой нервической поспешностью писался

проект при отце, как он опасался, что проект примут без него, 35-летнего наследника престола. И вот теперь, когда царственный отец и страхи похоронены в мраморе усыпальницы, министр внутренних дел ратует за ограничение самодержавной власти. Да понимает ли он смысл идеи монархии?..

«Так водяная крыса роет нору в огромной, сдерживающей миллионы тонн воды плотине, и через малое отверстие крохотный ручеёк проникает внутрь, размывает огромное тело плотины. Вырвавшиеся на волю мутные потоки сносят и губят всё вокруг», — думал государь, слушая запальчивую речь министра, но вслух сказал совсем иное:

— Михаил Тариэлович, при выездах я запретил конвоировать мой экипаж. Но приказание моё не исполняется. Не знаю, ваши это люди или Грессера*, но прошу распорядиться, чтобы этого больше не было! Мера совершенно лишняя и ни к чему не ведущая...

— Приму меры, ваше величество, — огонь под бровями министра мгновенно угас.

Он догадался, что это ответ, что государь не расположен к демократическим новациям, посему надобно подавать в отставку.

— Я освежу в памяти проект и дам вам знать, — просто и прямо, глядя в глаза Лорису-Меликову, сказал император.

Министр поклонился и вышел. «Конституции не будет... Это всё Победоносцев, поповская кровь, настроил государя против. Хорошо ему там, в Синоде, со своими иерархами псалмы распевать!» — рассуждал он.

Но смерть тогда шла по пятам за теми, кто верно служил Богу, царю и Отечеству.

* Грессер П. А. — генерал-адъютант, петербургский начальник.

— Вот вам государственный преступник! — так, ёрничая, представлял генералу инженера путей сообщения, предпринимателя И.Е. Ададунова председатель правления Общества юго-восточных железных дорог Н.Л. Марков.

И что же Ададунов? Обиделся на такое представление? Влепил пощёчину? Вызвал на дуэль? Нет! Он расхохотался, опустил очи долу:

— Ну что вы. Я простой злодей и мошенник...

Другие с узнаваемой бесовской ухмылочкой сочиняют банкиру Вышнеградскому герб. Изображают увитого лентой ворона с обрезанными крыльями. На одном её конце пишут «Вор он», на другом — «Пусть он больше не летает».

Клоун в цирке, исполняя на манеже номер с тремя свиньями, кричит: «Groser, groser, groser!» Намёк на петербургского градоначальника Грессера. Публика хохочет...

Победоносцеву доносят, что чиновник, которого он взял на службу в Синод, замешан в неблагоприятных делах. Обер-прокурор в отчаянии хватается за голову: «Да кто же теперь не подлец?!»

Сумятица умов и чувств. Слухи, один страшнее другого, витают в наэлектризованном воздухе града Петрова. Скоро начнётся война с Германией. Французский агент Монлин привёз министру обороны Ваньковскому план Мольтке*, который французы купили у немцев...

Граф Лев Толстой заявляет, что если будет царский манифест об объявлении войны, то он, Толстой, издаст свой манифест против войны...

Разлетелся слух о покушении на царя. В Гатчине в серебряную ванну, приготовленную для государя, впустили яд. Спас случай. Стали измерять температуру и обнаружили...

* Мольтке Хельмут Карл Бернхард — начальник германского генштаба.

12. Крушение царского поезда в Борках

Как-то, играя с сыновьями, государь завязал узлом и каминную кочергу. Весть об этом быстро облетела двор. Стала известна и точная дата отъезда царя в Ливадию. Родственники и министры заторопились с аудиенциями.

Среди записавшихся на приём были и два великих князя — Николай и Константин, новый министр внутренних дел Игнатьев, сменивший Лорис-Меликова, обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев и царедворцы рангом ниже. Всё шло своим чередом. И вдруг в приёмной показалась княгиня Юрьевская. Сверкая бриллиантами и шелестя шлейфом тёмного платья, она милостиво ответила на поклоны присутствующих и, сохраняя столь привычное горделиво-оскорблённое выражение красивого лица, проследовала в кабинет императора. Стоявший у дверей офицер сделал было преграждающее движение, но смутился и отступил.

Присутствующие в приёмной были прекрасно осведомлены об эпатирующем поведении княгини. После гибели отца Александр III отнёсся к ней с присущими ему великодушием и тактом. Выделил отдельный дворец, назначил пожизненную ренту из царской казны в сто тысяч рублей*. Царским повелением дочерям княгини обеспечивалось царское приданое, а сыну — образование за счёт государства. Но некоронованная «Е-III» не желала понимать, что она была не столько вдовой императора Александра II, сколько «дорогой Катрин», принёсшей море слёз безвременно усопшей матери государя.

* Более миллиона долларов в год.

В перечне её бесконечных требований и просьб значился ещё один из царских дворцов, обезноженный сеттер Милорд и даже орден Святой Екатерины, которым награждались исключительно представители царской династии. При этом княгиня то и дело ссылалась на волю покойного Александра II, который «всё видит оттуда».

Основное время Юрьевская проводила теперь во Франции, содержала двор, вела роскошный образ жизни. Ходили слухи о её связи с лечащим доктором Любимовым.

Посол в Лондоне граф Шувалов, в прошлом начальник второго отделения по тайным каналам, выявил, что у княгини в банках Парижа и Лондона лежат на счетах миллионы. Часть суммы составляли деньги погибшего императора, другую — подношения от железнодорожных магнатов за содействие в получении концессий. Государь считал, что своим поведением она оскорбляет память отца.

При виде вошедшей в царский кабинет княгини Юрьевской великий князь Николай, беседовавший с государем, осёкся на полуслове, поклонился и вышел, нарочито громко стуча каблуками о паркет.

— Простите, ваше величество, — натужная полуулыбка промелькнула на лице княгини. — У тебя, государь, усталый вид. Нельзя так себя угнетать делами. Твоё здоровье принадлежит России...

— Ей его и отдаю, — сухо ответил Александр III, сожалея, что разрешил ей говорить ему «ты». — Садитесь! — он указал на диван, сам лишь привстал в кресле. Зелёное сукно стола разделяло их, как пропасть. — О чём, княгиня, вы хотели просить меня на этот раз?

— О, ваше императорское величество, ваши благодеяния ко мне безмерны! Теперь же всего лишь прошу понять меня, — княгиня уловила его недовольство «тыканьем» и переменяла

тон на почтительно-сокровенный. — Наш... мой Гого вымолтал из меня всю душу. Он стал своенравен и дерзок. Я не могу, я отказываюсь, я больше не в силах терпеть... Его незабвенный отец хотел видеть Гого в царской роте Преображенского полка. Пусть почувствует вкус казармы, — она промокнула платком глаза. — Припадаю к вашим стопам с мольбой!..

— Пять или шесть лет назад я советовал вам серьёзно заняться воспитанием сына, — перебросил царь ледяное «вам» через зелёную пропасть стола. — Но тогда вы не захотели меня слушать.

— Ах, ваше величество, кто же мог знать, что случится такое... Но воля его незабвенного отца...

— Думаю, своенравие и дерзость, как вы изволили это характеризовать, несовместимы с требованиями для зачисления вашего сына кандидатом в царскую роту.

Княгиня вскинула руку с мокрым от слёз кружевным белым платком, будто сдаваясь на милость победителя. Всклинула и заговорила о дочерях. Они уже подросли, и она хочет привезти их в Петербург, давать балы. А это непомерные расходы при её стеснённых денежных делах...

Намёк был более чем прозрачен. Государь вспомнил сообщение графа Шувалова о её миллионных счетах и в сердцах «развязал кочергу»:

— На вашем месте, княгиня, надобно мечтать не о балах, а о монастыре, куда пора пойти замаливать грехи!

— Я бы непременно последовала совету вашего величества и постриглась в монахини, но, боюсь, этого бы не одобрил мой незабвенный супруг, чья воля для меня священна...

— Ещё как бы одобрил!

Пряча улыбку, император вспомнил про слухи о связи княгини с доктором, взглянул на портрет царственного отца, висевший на стене. Вот так драма превращается в фарс...

— Вы очень добры ко мне, ваше императорское величество, — побледнев, княгиня порывисто встала и направилась к двери.

«В какую пытку она превратила нашу жизнь тогда в Ливадии! Сколько слёз пролила из-за неё Минни... Чего стоил только один вопрос наследника: кто эта женщина?! — глядя ей вслед, думал государь. — Хорошо, что она больше никогда не появится в столь любимой моей покойной матерью благословенной Ливадии...»

— Скажите, княгиня, это правда, что вы похоронили собаку на... городском кладбище?

— Да, я сделала это, — всё с тем же горделиво-оскорблённым выражением лица обернулась уже на пороге княгиня Юрьевская. — Я похоронила самого преданного друга императора во Франции на кладбище города По. Если вам интересно, ваше величество, надгробная надпись гласит: «Здесь похоронена любимая собака императора Александра II. Памятник воздвигнут безутешной вдовой».

Когда княгиня вышла, Александр III хмыкнул: «Думал, анекдот, а в самом деле! „Неутешной вдовой...“ Надо же! Как я устал... Слава Богу, скоро благословенная Ливадия! Кажется, я уже слышу шум волн...»

В кабинет вернулся Николай Николаевич, и «шум волн» отдалился. А когда следом за ним появился граф Игнатъев с докладом о новых терактах, совсем прекратился.

— Ну а что насчёт сообщения агентства «Рейтер» об обнаружении тайного производства бомб в Цюрихе для терактов в России и Берлине? — задал вопрос государь.

— Не подтвердилось, ваше величество. В Цюрихе на военных складах обнаружили недостачу бомб. Думали, что их отправили в Россию.

— А те пятеро, что 1 марта, в день отцовской панихиды, караулили меня на Невском? У них откуда бомбы?

— Самодельные, ваше величество. Под книги были сделаны.

И тут же, спеша отвлечь государя от большой темы, граф заговорил про выстрел в генерала Черевина. Он тонко намекнул, что самой большой наградой для Черевина будет позволение государя усыновить незаконнорождённого отрока, который служит в Николаевском корпусе.

Император заметил увёртку министра, усмехнулся в бороду и закончил разговор. После ухода Игнатьева мысленно опять вернулся к полузабытому мартовскому дню: «Если бы тогда меня взорвали, на престол взошёл бы Ники. Но он так молод. Наследника любят в Преображенском и Гусарском полках, где он служил. Знает военное дело, ловко изъясняется на пяти языках, изучал экономику, право, историю, литературу. Пожалуй, более образован, чем я, но совсем неопытен в государственных делах. Надо безотлагательно привлекать его к работе. И невесту, пора подбирать ему невесту. Все хотят заранее заручиться его симпатиями, расточают похвалы, лицемерят... Дал бы Бог пожить мне ещё лет двадцать. Он набрался бы от меня опыта, научился разбираться в людях, отличать ложь и лесть от чисто-сердечного желания служить Отечеству. Надо будет ввести его в члены Кабинета министров... Невеста? Может, Елена, дочь графа Парижского? Это укрепило бы наши отношения с Францией. Ники ради пользы Отечества согласится на всё. Но что скажет Минни?.. Поговорю с ней об этом, но не теперь, в Ливадии...»

И вот он настал, этот счастливый час. Блестя свежоокрашенными вагонами, царский поезд вовсю мчит семью и свиту государя через необъятные просторы империи к далёкому морю. За окнами мелькают бескрайние степи. Стада, пастухи... Дети липнут носами к стеклу.

— Ники, Жоржи, смотрите, какая у него на руке преогромная курица! — кричит в восторге младшенький Миша. — Вон уже позади, на коне, птицу поймал!

— Ага, поймал! Суп сварит, — подсмеивается Жорж.

— Это, Мишель, не курица, это беркут. Пастух охотится с ним, — подключается к разговору наследник. — Поймает зайца или дрофу, и будет суп-лапша.

— Когда приедем, я тебе, Ники, дам стрельнуть из нового индейского лука! — благодарно говорит старшему брату Михаил. — А тебе, Жорж, не дам. Ясно?

Государь доволен. Это совсем не то, что разговоры в Гатчине про казнь и палача.

— Папá, мы будем в лесу разводить костёр и печь картошку? — Мишкин, как прозвал младшего сына отец, просто стукот энергии.

Недавно при министрах влетел в кабинет верхом на швабре, в руке — деревянная сабля. С криками промчался между кресел и ускакал за дверь, прежде чем отец успел шлёпнуть сорванца своей могучей дланью.

Благословенная Ливадия! Белый уютный, потонувший в садах дворец. Сколько с ним связано милых сердцу дней лёгкой и солнечной юности и грусти тоже! Любимое кресло матери, торшер и столик в углу спальни. Она там читала, вязала... Как бы теперь радовалась, глядя на подрастающих внуков...

Младшенькие Миша и Мария, как хвостики, всюду бегают за отцом. Награждая себя за редкие встречи с ними там, в Гатчине, государь по полдня возится с детьми. Водит их к морю, строит с ними на берегу замки из песка и камней. Ходит с ними в лес, учит разжигать костёр, пилить и рубить сучья, катает на лодке. В душе он очень жалеет, что у наследника, Жоржа и Ксении свои интересы. Из великого князя

Сандро* — ровесника Ники, княжон Воронцовых-Дашковых, нескольких морских офицеров и петербургских знакомых у них образовалось своё общество. Они совершают прогулки по морю, устраивают катания на лошадях, пикники и танцы.

Горячее солнце и солёный воздух напитывают лёгкой радостью. Ожила и развеселилась захандрившая в Гатчине императрица. Она проводит благотворительные балы и ярмарки, ездит по гостям, танцует до упаду. Многочисленная свита и прислуга загорели, все веселы, бойки...

Чайками над сверкающей гладью ливадийской жизни проносятся дни, недели, месяцы. Незаметно подступил октябрь. Сборы в дорогу. Но это не приносит в царскую семью уныния. У всех грандиозные планы на петербургскую жизнь. Все горят желанием встречи с близкими и друзьями. Тот же поезд с двумя локомотивами мчит венценосную семью и всех, кто при них, на север, в Гатчинский затвор.

Государь работает с документами в вагоне-кабинете. До Харькова надобно просмотреть целую стопу бумаг. Он берёт лежащий сверху «Отчёт о кредитной политике Дворянского банка». На бумаге всё гладко... Он смотрит в окно — серые осенние, без конца и края, степи. Сколь же велика Российская империя! Как охватить, дойти финансовой помощью до каждого нуждающегося? Кредиты переселенцам. В договорах надобно отчётливее прописать план усадьбы, строений, вплоть до пород и количества деревьев, которые должен насадить кредитуемый...

Пробежал глазами проект указа, запрещающий иностранцам покупать недвижимость в западных областях России. Начертал:

* Великий князь Александр Михайлович.

Согласен. Россия — для русских.

Опять вернулся к мыслям о кредитах, дописал:

Учредить сберегательные кассы при уездных казначействах, принять другие меры к устройству лёгкого народного кредита в деревнях, подорвать тем самым ростовщичество.

Долго изучал материалы отчёта о подготовке к строительству Сибирской железной дороги в 7000 вёрст. Эта мощная стальная жила сопрягала мышцы экономики Сибири и Дальнего Востока с Центральной Россией, давала мощный импульс развитию уральских пространств...

На полустанке государь вышел размяться на противоположную от перрона сторону, подальше от любопытных глаз. Остановил тюкавшего молоточком на длинной ручке по колёсам вагонов обходчика:

— Зачем стучишь-то?

— По звону определяю, барин, цельное колесо али, не приведи Бог, треснутое.

Развалистый усатый мужичок лет сорока и подумать не мог, что заговоривший с ним здоровяк в белой рубахе и белых штанах — сам царь.

— Думаю, что в таком важнецком поезде все колёса новые, — усмехнулся государь.

— И-и-и, барин, бережёного Бог бережёт. Можя, в литьё какая раковинка получилась али смазка в буксу перестала поступать...

За разговором не заметили, как поезд тронулся.

— Беги скорее, барин, а то отстанешь! Два локомотива, скорость рывком набирают, — всполошился обходчик.

К несказанному удивлению здоровяк в белых штанах и глазом не повёл, лишь чуть пригнул лобастую голову:

— Как уедут, так и вернутся!

Обходчик глаза вытарачил, видя, как поезд зашипел и стал резко тормозить. Дал задний ход. Из дверей выпрыгивали военные и штатские, бежали к ним.

— Я же тебе говорил, что вернутся, — усмехнулся лобастый «барин», — а ты не верил!

— Ва... ваше императорское величество, простите! — упал на колени, сдёрнул с чёрных кудрей фуражку обходчик.

— Оставь его! — велел государь жандарму, коршуном бросившемуся к обходчику. — Мы с ним беседовали...

— Ваше величество, — кинулся к нему донельзя смущённый генерал Черевин. — Простите великодушно... Затмение нашло, из виду вас выпустили...

— Затмение. Совсем за лето обленились! — государь прошёл мимо посторонившегося генерала.

Вернулся в вагон-кабинет к железнодорожному проекту. Его размышления прервал генерал-адъютант Посьет:

— Позвольте заметить, ваше величество, остался час езды до Харькова. Вы желали отобедать до прибытия в город.

В прекрасном настроении государь вошёл в вагон-столовую, где собралась семья и свита, всего человек двадцать.

Не было лишь младшей царской дочери Ольги. Государь расположился в центре длинного стола, занимавшего середину вагона. Царица села напротив — между Посьетом и военным министром Ванновским. Царские дети и с ними князь Оболенский заняли стол, где стояли закуски. За перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты.

В последнее время после новых разоблачённых покушений государь очень нервно реагировал на всякие сбои в организации мероприятий и поездок. А то, что его забыли

на станции, было верхом разгильдяйства. Генерал Черевин так распекал службу охраны, что криком заглушал стук колёс. И теперь все ждали царской грозы. Поэтому за столом было как никогда тихо. Резвился лишь один Мишкин. Лезвием столового ножа он пускал солнечных зайчиков на сестру и официантов. Наследник встал и прикрыл шторы. Мишель скорчил рожицу. Потом взял ложку как авторучку и сделал вид, что пишет на скатерти. Жорж и Ксения заулыбались. Все знали, что наследник в Ливадии часто писал письма Гессенской принцессе.

Ники погрозил ему кулаком. После этого Мишель расшаллся ещё пуще, взялся передразнивать Ксению. Дети прыснули.

— Когда я ем, я глух и нем, — нестрого окоротил своего любимца государь.

Тот на минуту притих, а потом встал, будто бы за фруктами, и пошёл враскачку, изображая отца. Дети опять засмеялись.

— Это он изображает, как ты, папá, идёшь до Харькова пешком, — в ответ на недовольный взгляд отца сказала Ксения.

— Прикажу сейчас остановить поезд, высажу, и сами будете бежать до Харькова! — усмехнулся государь, а следом за ним, поняв, что грозы не будет, заулыбались и все обидавшие.

Подали второе блюдо — гурьевскую кашу. Скоро государю, евшему всегда быстро, уже подносили его любимое пирожное со сливками.

В тот страшный миг царю показалось, будто лакей со всей мочи швырнул в него вазу с пирожным. Он отбил вазу рукой. И от страшного толчка сам повалился на пол. В падении не зажмурился и видел, как сидевшая напротив императрица, пытаясь удержаться, схватилась за Посьета, и оба

опрокинулись под стол. Сверкая на солнце, разлетался по вагону серебряный фейерверк ваз, ножей, вилок и ложек. За первым толчком последовали страшные удары. Треск ломаемого дерева и скрежет металла под ногами и над головой смешался с криками. Но всё перекрыл крик императрицы: «Что с детьми?!»

Стены вагона страшно плюснулись. Сорванная с одной стороны крыша стала валиться внутрь столовой, грозя раздавить лежавших на полу людей. Император вскочил и упёрся в потолок руками. Казалось, сама земная твердь рушилась им на головы. От страшной тяжести у царя трещали кости. Из глаз брызнули кровавые слёзы. Но император скорее бы переломился пополам, чем дал железной тверди раздавить детей и Минни. На мгновение он потерял сознание, но рук не убрал. Он бы и мёртвый остался стоять, подпирая крышу. Приходя в себя, генералы и министры кинулись помогать государю. Держали крышу, пока все, кто был в вагоне, торопясь, вылезали в пролом. Их глазам предстала жуткая картина крушения: вздыбленные и смятые вагоны, окровавленные кричащие раненые и бездыханные трупы.

Царская семья и свита тогда чудом уцелели. Наследник с разбитыми локтями и ссадиной на щеке поддерживал плачущую мать-императрицу. Слёзы на её лице смешались с начавшимся дождём, Ники вместе с Жоржем успокаивали её. Михаила вытащили из-под обломков живого и невредимого. Стена спального вагона, в котором находилась в тот момент младшая дочь Мария, от удара вывалилась наружу. Молодая няня успела выбросить девочку в разлом на железнодорожную насыпь и прыгнула за ней следом. Тем самым спасла Марию и себя. Долго не могли найти Ксению...

Убедившись, что супруга и дети целы, государь перекрестился и взялся помогать раненым. Царскую семью и их свиту

спасло то, что Божиим Промыслом в начале катастрофы задний вагон перебросило через столовую. Он встал поперёк между столовой и буфетным вагоном и смягчил удар. Но не всем повезло. Лакей, подававший пирожное, упал у ног государя мёртвым, погибла и находившаяся в вагоне собака императора. Убиты были четыре официанта, стоявшие в столовой за перегородкой.

В первом вагоне, где ехали электрики и другой персонал, двери от жары были открыты. При ударе троих выбросило на насыпь, и они остались живы, остальные же погибли.

Из свиты больше всех пострадал начальник конвоя Шереметьев. Ему придавило грудь и оторвало палец на правой руке. Штаб-ротмистр барон Таубе, всегда сопровождавший царский поезд, при крушении выскочил из вагона и побежал в лес. Солдаты, охранявшие путь, чуть не застрелили его, приняв за злоумышленника.

В ту ночь государь много молился. От одной мысли о возможной гибели семьи ему становилось страшно. Империя была бы обезглавлена. Он не сомневался, что катастрофа была подстроена: «Чудовища, безжалостные вампиры в человеческом обличье полюбили вкус царской крови. Идут за мной по следу, не щадя при этом никого, — думал он в ночной тиши. — Ошибались тогда Лорис-Меликов, Абаза, Милютин* и иже с ними, утверждая, что Конституция утихомирит бомбистов и революционеров. Охота на царя и его верных слуг для них стала кровавой игрой. Под знамёнами звонких идей и лозунгов о народном счастье и свободах они прячут свою сатанинскую алчность и гордыню. Отвергая Бога, возводят себя в ранг вершителей человеческих судеб и моей царской —

* Абаза А. А. — министр финансов, Милютин Д. А. — военный министр.

тоже. Тысячу раз прав Константин Петрович Победоносцев, уверяя, что парламентаризм — это самая великая ложь демократии... Господи, за что опять пострадали невинные слуги? Двадцать три человека убито и девятнадцать ранено. Быть рядом с царём — это быть рядом со смертью...»

13.

«Я влюбилась в наследника с первого взгляда»

Молодой блестящий офицер, прекрасный наездник и стрелок, любимый в полку за простоту и железную выдержку, наследник приезжает с компанией на выпускной бал Императорского балетного училища. Восемнадцатилетняя выпускница Матильда Кшесинская не танцует, а парит по сцене. Как у Пушкина: «То стан совьёт, то разовьёт и быстро ножкой ножку бьёт...» Юная прима пламенем пронесётся по самому краю над первыми рядами, восторгая зрителей. Обожгла она и юное сердце цесаревича. Обожгла и обожглась сама. Вот что пишет об этом сама Кшесинская:

Я влюбилась в наследника с первой нашей встречи. После летнего сезона, когда я могла встретиться и говорить с ним, моё чувство заполнило всю мою жизнь, и я только о нём могла думать. Мне казалось, что хоть он и не влюблён, но всё же чувствует ко мне влечение, и я невольно отдалась мечтам...

«Не влюблён, но всё же чувствует влечение». Как эта девочка прозорлива и точна в определении чувств наследника! Вот тебе и «любовь слепа». Влечение, но не более того. Не об этом ли и дневниковая запись цесаревича:

В 12 часов отправился к М.К., у которой оставался до четырёх часов. Хорошо поболтали, посмеялись и повозились.

Вот оно, слово, приравненное сластолюбцами по смыслу к грехопадению. Гнусным отзвуком светских пересудов о связи наследника с Кшесинской стала дошедшая до нас дневниковая запись от 8 февраля 1893 года издателя газеты «Новое время» А. Суворина:

Наследник посещает Кшесинскую и... её. Она живёт у родителей, которые устраняются и притворяются, что ничего не знают.

Три точки заменяют циничное утверждение, за которое порядочные люди раньше вызывали клеветников на дуэль.

Теперь известно, что ещё в 1892 году Матильда вместе с сестрой Юлией сняли на Английском проспекте двухэтажный особняк. И туда приезжал в гости наследник с двоюродными братьями Сергеем, Георгием и Александром. Устраивали маскарады, музицировали, пили шампанское. Она танцевала «на бис». И родители её не «устранялись». Отец, например, не раз беседовал с дочерью, пытаясь её образумить: «Ты всего лишь для него „весёлая подружка“, на большее не рассчитывай...»

«Пусть, но я люблю Ники. И будь что будет из этого самого прекрасного „фуэте“ моей жизни», — отвечала Матильда. Она не скрывала, а даже хвасталась своими отношениями с наследником престола, задирала нос в театре. Общественное мнение, закон, престиж царской фамилии — это для неё лишь искусственный снег в спектакле «Снегурочка».

Как же жаждали все эти Суворины, Богдановичи и иже с ними зримых доказательств интимной связи! Бегства

влюблённой пары за границу, внебрачного ребёнка и скандала, скандала...

А что в остатке? Компрометирующие наследника записи, подаренные бриллианты, банковские счета, дворцы? Да ровным счётом ничего!

Невинные юношеские дневники цесаревича... Мог ли 24-летний наследник, делая эти записи, предположить, что их будет когда-нибудь читать весь мир? А некоторые особо дотошные любители подглядывать в замочную скважину попытаются в тени слов углядеть, унюхать «клубничку»!

Больше чем на полвека пережив своего царственного поклонника, почти в столетнем возрасте, умерла Матильда Кшесинская. А мелкие серенькие строчки из дневников до сего дня живы и развеивают злые домыслы недоброжелателей:

*Отправился к М. К., провёл три чудесных часа с ней
Провёл большую часть вечера у М. К.
Отправился к М. К., где ужинал по обыкновению
и прекрасно провёл вечер.*

Первая, с кем наследник поделился сердечной тайной о появлении у него «друга», была сестра Ксения. Писал он об увлечении Малечкой и брату Георгию, который был тогда по причине туберкулёза в далёком горном Абас-Тумане. Позже о привязанности сына к балерине узнает мать-императрица, расскажет венценосному супругу. И всё. Никаких увещеваний, запретов. Ничего.

Почему они не всполошились? Ведь всё могло разрастись до большого скандала. Эхо его докатилось бы до Европы, как история великого князя Николая Константиновича и дешёвой певички. Один царский намёк, и ветреная Малечка

отправилась бы в далёкое зарубежное турне, за пределы досягаемости царственного поклонника...

Но никакого «турне», даже простого «мужского» разговора отца с сыном не последовало. А ведь буквально на глазах царя балетные дивы в лице Кузнецовой и Числовой брали в сердечный плен закалённых в военных и любовных сражениях его родных братьев, великих князей... Да что там «в плен»! На царской фамилии лежало несмываемое пятно поступка внука Николая I Николая Константиновича. И Александр III, как никто другой, знал всю подноготную скандала.

Парижская певичка Фанни Лир, дочка лютеранского пастора из Филадельфии, в пятнадцать лет сбежала от отца в Европу и пустилась во все тяжкие...

Фанни прыгнула со сцены ночного варьете прямо в сердце великого князя Николая Константиновича и свела его с ума. Это он закажет знаменитому итальянскому скульптору её статую.

Николай Константинович путешествует с ней по Европе. В Петербурге снимает для Фанни особняк. Осыпает цветами и дорогими подарками. Но деньги и кредиты заканчиваются, и тогда он решается на святотатство — похищает бриллианты из оклада фамильной иконы...

Шеф полиции, тогда им был граф Шувалов, доносит о князе Александру II. Доклад звучит, как пощёчина: сын брата, крестник императора — грабитель и святотатец. Государь тут же приглашает его к себе:

— Ты?!

— Да, я! — двадцатичетырёхлетний полковник покаянно обхватывает руками будто уже срубленную с плеч голову...

Всю оставшуюся жизнь он проведёт в ссылке в Ташкенте, в компании с мраморной Фанни Лир (статую перешлёт сыну оскорблённая мать, великая княгиня Александра

Иосифовна). В 1881 году он напишет покаянное письмо Александру III о позволении вернуться. «Не забывай того, что ты покрыл нас всех позором. Пока я жив, ты не увидишь Петербурга!» Таков был ответ царя.

Неужели даже такой «урок» не озаботил теперь царственного отца, узнавшего о связи наследника с М. К.?

Это могло означать только одно. Александр III уже тогда знал о сыне то, чего сотни историков и писателей не углядели в последнем государе ни тогда, ни теперь. В свои очень молодые годы Николай II уже был царём. Царём духа. Молодой полковник Николай Романов уже тогда царствовал над своими страстями...

14.

Разговор королевы с внучкой: «Осчастливь Альберта...»

— Ах, Солнышко, как тебе идёт это лиловое платьице! — старушка откидывает на спинку кресла посеребрённую от частого соприкосновения с королевской короной голову. — Ты напоминаешь меня в юности.

— Полноте, бабушка! Иногда мне кажется, что вы родились прямо на троне, — юная собеседница хохочет и, легко скользнув к креслу королевы Виктории, целует ей руку.

Разговор с любимой внучкой Алисой для королевы Виктории как утренний подарок.

— Знаешь, Солнышко, хочу открыть тебе одну простую истину.

— Какую, ваше королевское величество?

— Оставь в покое, Аликс, мой королевский титул. Ты моя любимая внучка, а я твоя старая ворчливая бабка.

Юная собеседница вскидывает на неё ясные прекрасные глаза и залиvisto хохочет:

— Это вы-то старая ворчливая бабка?

— Скажу тебе по секрету: быть королевой всё-таки лучше, чем прачкой. Ты не находишь? — она погладила сидящую на ковре у её колен внучку по голове.

— Не знаю. Я же не была ни королевой, ни прачкой.

— Но ты можешь попробовать.

— Прачкой?

— Королевой, моё Солнышко. Я бы спокойно лежала в гробу, если бы знала, что ты заняла моё место на троне.

— Я на троне? — Алиса снова хохочет, да так заразительно, что улыбается и королева.

Она подносит подрагивающую, в коричневых старческих пятнах, руку ко лбу:

— Ты знаешь, Альберт не так плох, как пытается себя показать. Я, как и тебя, знаю его с пелёнок. Это всё мальчишеские заносчивость и бравада. Когда он станет королём, всё это с него осыплется, как сухой песок. Он станет примерным христианином и добропорядочным мужем.

Виктория посмотрела на опущенную голову Алисы: «Принц Альберт, конечно, шалопай, недостойный тебя!» Королева увидела, как наливаются слезами глаза внучки, погладила её склонённую голову, шутливо дёрнула за ушко.

— Ты же знаешь, я хочу только твоего счастья. А быть королевой... Я вижу в тебе великую королеву. Не Альберт, а ты правила бы Англией. У тебя ум, воля, любовь и вера. Тебя бы боготворил английский народ... Мужчина, которого ты полюбишь, обречён быть счастливым. Почему бы тебе не осчастливить Альберта?

— Ах, бабушка! — Алиса прижалась к старческой кисти мокрым от слёз лицом.

— Ну вот, от смеха к слезам. Я тебя не неволю. Мне говорили, что русский цесаревич хорош собой, образован и умен. Но это же Россия! Дикая непредсказуемая Россия, где убивают даже своих царей. Они никогда не поймут твою возвышенную душу... Альберт же тебя обожает. Он сделает всё, что пожелаешь. Поверь, дитя моё, в семейной жизни и для королевы, и для прачки это немало значит...

— Тогда лучше пойду в прачки, — Алиса вскинула на королеву заплаканные глаза.

— Мне сказали, что ты начала учить русский?

Алиса виновато опустила голову.

— Неужели ты можешь отречься от своей веры и принять Православие?

— Никогда! — Алиса закрыла лицо руками и снова разрыдалась. — Я не могу преступить клятву ...

Королева вытерла слезинку.

— Ты и меня, негодница эдакая, разжалобила. Знай, Солнышко, твоя старая бабка желает тебе счастья...

Виктория поднесла руку к губам, поцеловала перстень с крестом, подумала: «Пожалуй, я приглашу для неё епископа из Русской Зарубежной Церкви...», но сказала иное:

— Подумай о моём предложении. Альберт будет королём Англии. Если ты согласишься, я всё устрою.

Алиса поцеловала королеву руку и вышла.

«Вот у неё ребёнок никогда не выпадет из окна, как это случилось у моей дочери,* — с горькой гордостью подумала королева Виктория, глядя вслед внучке: — Боже, избавь её от проклятья нашего рода Кобургов!»

Сбежав по ступенькам дворца в парк, Алиса вихрем пролетела по аллее вдоль пруда и спряталась в дальнюю беседку,

* Трёхлетний брат Алисы Фридрих выпал из окна материнской спальни.

где её не было видно. Разрыдалась горько и безутешно: «Альберт! Да никогда и ни за что. Ограниченный, чванливый! Всё время ищет удовольствия. Когда прикасается ко мне своей лягушиной лапкой, мне делается плохо, бр-р!.. Король лягушек. А у Ники такая тёплая и сильная рука. Как ужасно, что он наследник престола! Будь он просто великий князь, тогда я бы могла, как Элла, выйти за него замуж, не переходя в Православие...»

Алиса вспомнила, как в соборе при венчании Эллы с великим князем Сергеем наследник стоял с приоткрытым ртом, и улыбнулась сквозь слёзы: «Ах, Ники, как он мил! Помнит ли, как, будучи в Петергофе, мы нацарапали на окне свои имена алмазным колечком: „Ники и Аликс“?»

15.

Принцесса в восторге от русской Масленицы

Метели и морозы зимы 1889 года для петербуржцев — не диво. Рождество, Святки, балы... Но поверх этого веселья над Северной Пальмирой распростёрлось тревожное ожидание. Несколько вечеров подряд в сумеречном небе над Александровской колонной проступал кровавый вензель «А». Шли слухи, будто это знак скорой смерти царя. И тут же заговаривали о скорой женитьбе наследника на сестре германского императора Вильгельма — Маргарите. Русскими слухами о женитьбе весьма обеспокоилась Франция: что тогда будет с их тайным договором с Россией против Германии?

В Петербурге же было раскрыто ещё одно готовившееся покушение на императора. У императрицы нервы, бессонница. Пригласили к ней из Парижа доктора Люиса. Государь

мрачен и гневлив. Вот уже неделю, как он выходит к общему семейному завтраку в гвардейском золочёном мундире, оттого ещё более велик и недоступен. Вид его вызывает у детей пугливую шутливость. За столом все разговаривают полупрошепотом. Это ещё больше раздражает государя, но он молча наклоняет над тарелкой голову.

— Ники, когда приезжают «дармштадтские цветы»? — Георгий, промокая салфеткой губы, вприщур глядит на брата.

— Не знаю, — наследник, смутившись, крутит в пальцах вилку.

— Знает, знает. Она ему написала в письме, — шепчет Ксения, хранительница всех сердечных тайн старшего брата.

— Перестаньте шептаться, это неприлично, да и мне любопытно, — императрица Мария Феодоровна пристукнула блюдечком о тарелку.

Все, кроме государя, засмеялись. Александр III отёр губы и бороду салфеткой, встал из-за стола, перекрестился и зычно крикнул:

— Повара!

Прибежал запыхавшийся, в бисеринках пота на раскрасневшемся у огня лице повар. Колпак смешно сбился на ухо. Руки по швам, в глазах ожидание.

— Благодарю тебя, Кирьян! Гурьевская каша была просто отменной.

— Рад стараться! На здоровье, ваше царское величество, вам и всем!

Повар кланялся и одновременно ловил сорвавшийся с головы при поклоне колпак. Младшенькие Миша с Марией прыснули. Глядя на них, впервые за утро улыбнулся и царь:

— Жалую тебя, Кирьян, серебряной чаркой!

Повар, благодаря и кланяясь, попятился из залы.

— Ники, — обратился государь к наследнику, — говорят, ты вчера упал на манеже с коня?

— Да, папá, было дело, — наследник, смотрел на отца спокойно и весело.

— Ты не удержался в седле? Да не поверю!

— На барьере Кристалл зацепился правой передней и через голову.

— Конь цел?

— Вроде весёлый. Овёс, что давали днём, весь съел.

— Перекуй на лёгкие подковы.

— Уже перековали, папá.

Ксения засмеялась первой, за ней Мишель.

— Папá, тебя уже перековали на лёгкие подковы!

Император и наследник непонимающе переглянулись, чем вызвали ещё большее веселье у детей.

«И какой дурак придумал, будто вензель в небе над колонной — знак моей смерти?» — взбодрился император, выходя из столовой. — Ники упал вместе с конём... Пусть разберутся...»

— Ники, ты отъезжаешь? — спросила императрица. — У тебя после падения ничего не болит?

— У него сердечко болит, — хихикнула Ксения. — Приехала Алиса Гессенская.

— И вовсе не смешно, — императрица встала из-за стола, вопросительно посмотрела на старшего сына.

— Я в полк, мамá, — ответил наследник и, не удостоив развеселившуюся сестру взглядом, пошёл одеваться.

Через пять минут, в шинели и шапке, он вышел из дворца, вдохнул морозный воздух, чувствуя восхитительную лёгкость в сильном молодом теле и саднящую боль в бедре от вчерашнего падения на манеже.

Уже заготовлен приказ о присвоении ему звания флигель-адъютанта. С этого года он член Кабинета министров

и Государственного совета. Он любим офицерами Преображенского и Гусарского полков, где служит. Души не чаёт в нём остроглазая Малечка Кшесинская.

Но всё это умалется до макового зерна при мысли о Гесенской принцессе. Трепетные пальчики в его ладони. Тонкое пение алмазного колечка по стеклу: «Ники и Аликс». С тех пор минуло целых пять лет. Какой она стала?..

Вздывая снежные вихри, поезд мчал дармштадтских гостей в русские поля, леса, в сказку... к Ники. Алиса прижималась горячим лбом к ледяному стеклу вагонного окна. Явь и сказка сливаются в одно. Вот сейчас из заснеженного ельника покажется русский богатырь Илья Муромец в шлеме, с заиндевшей на морозе бородой, верхом на коне. У седла его будет корчить рожи пленённый Соловей-разбойник...

Спроси её, зачем она тайком от бабушки-королевы учит русский язык, пытается читать былины и сказки, она бы не затруднилась ответить: «Это так интересно. Огромная загадочная Русская империя! И Ники — будущий самодержец. Какие же могучие духом люди в его державе!»

Она плакала от жалости и восторга, когда Элла читала ей, как полюбоваться на казнь осуждённых за восстание стрельцов приехал царь Пётр I: «Утро. У палача в красной рубахе на плече топор. Белеет свежим деревом плаха. Стрелец, идя на плаху, трогает царя за плечо: „Подвинься, государь, я здесь лягу...“».

«Пётр обрёк его на смерть, — удивлённо размышляла Алиса, — а он, простой воин, говорит самому царю: „Подвинься!“ Какая высота русского духа! Смерть ставит его выше всех: „Я здесь лягу!“ А вот Ники никогда бы не повелел рубить головы подданным»...

Приняв рапорты и расспросив дежурного ветеринара, нормально ли ведёт себя Кристалл, Николай помчался к «тётушке

Элле», так шутливо называл он жену великого князя Сергея Александровича Елизавету Феодоровну.

«Неужели Алиса так же прекрасна, как старшая сестра?», — целуя руку «тётушке», подумал наследник.

— Ну вот, а говорили, ты сорвался с коня и поломал руку, — вышел к нему всегда безукоризненно одетый и причёсанный великий князь Сергей Александрович.

— Мне остаётся благодарить разносчиков слухов, что они «сломали» мне руку, а не шею, — ответил дяде наследник.

— Позволь, Элла, мы пройдем в кабинет, обсудим, как будем развлекать принца Эрнста, — обратился Сергей к супруге.

— Да, конечно. Но, Ники, спрошу тебя, иначе, пока вы будете совещаться, я умру от любопытства, — засмеялась Элла и покраснела: — Верно, будто за тебя сватают сестру императора Вильгельма?

— Это ты, которая летает на помеле и колотит в бубен?

— Ники, я серьёзно.

— Серьёзней некуда, «тётушка». Я срублю ей в лесу избушку на курьих ножках и подарю ступу, а сам подамся в углежог.

— Экий ты насмешник, Ники. И прошу тебя, не зови меня больше тётушкой. Просто Элла.

В кабинете за разговором с дядей о гостях и предстоящем кругосветном плавании, в которое он должен был отправиться, Николай вдруг не в лад сказал:

— Счастливый ты, женился на Элле!

— А ты женись на Алисе.

— Я наследник, — сказал он так горько, что великий князь рассмеялся.

— Ну и что. Родители пойдут тебе навстречу.

— Она не сможет переменить веру.

— Вон ты о чём... История знает много примеров, когда переходили в другую веру, и не только жёны.

В день приезда гостей Сергей и Элла давали большой ужин для членов царской династии. Когда прибывшие вошли в залу, зазвучали приветствия, начались объятия сестёр, пожимание рук. Георгий, стоявший рядом с братом, толкнул его локтем. Но Николай даже не почувствовал. Он обежал глазами гостей и не увидел Алисы. Тогда, в Петергофе, это была розовая сказочная Мальвина, ростом ему по плечо. Теперь же рядом с принцем Эрнстом стоял стройный златокудрый ангел в девичьем облике. По плечам и на шее сверкали не успевшие высохнуть жемчужные капельки небесной росы. Они встретились взглядами, Ники и Аликс...

В тот вечер наследник и Алиса не сказали друг другу и десяти слов. После ужина перешли в зал, где горели камин, играла музыка. Наследник рассказывал принцу Эрнсту и его отцу Людвигу, как в России охотятся на медведей. Краем глаза он заметил, как к Аликс подлетел вездесущий Сандро, заговорил оскорбительно громко и напористо.

Николай, весь обратившись в слух, не замечая, перепрыгнул с немецкого языка на английский. Он вдруг ляпнул, что на медведя лучше всего охотиться с подсадной*.

Принц и герцог пожимали плечами, а Георгий хохотал в голос. Наследник, очнувшись, пытался неуклюже поправиться, бормотал, что по весне охота с подсадной уткой интереснее, чем зимой на медведя...

После того как все разъехались и разошлись, Элла зашла в спальню к сестре. Аликс сидела, уже убранный ко сну, всхлипывала.

— Так голова и болит? — Элла обняла её за плечи, чмокнула в солёную щёчку.

Алиса мотнула головой, рассыпая волосы по плечам.

* С подсадной уткой охотятся весной на селезней.

— Он... за него сватают эту берлинскую курицу, а он, довольный, рассказывает про каких-то подсадных медведей... Мне больше никто не нужен. Я просто глупая гессенская утка. Учила русский язык. Ну и пусть женится на этой... Маргарите! Я уйду в монастырь.

— Не переживай! — Элла расцеловала сестру. — Я знаю, он влюблён в тебя, как это по-русски... по самые уши.

— Ты смеёшься надо мной, — Аликс высвободилась из рук сестры. — Любят не ушами, а сердцем.

— Не ушами, а по уши!

Элла вскочила с кровати, схватила подол ночного пеньюара, сделала осторожный шаг:

— Вот ты заходишь в воду по колено, по шею и по уши. Это когда нечем дышать!..

— Ах, как это ты хорошо сказала: «Нечем дышать!»

Аликс вскочила с кровати и расцеловала сестру.

— Когда я на него смотрю, мне нечем дышать. «По уши!» Ты знаешь, Элла, я, наверное, схожу с ума. Всё здесь, в России, такое великое и сказочное. Есть русская картина «Три богатыря». Я смотрела на императора. Он так похож на богатыря Илью, только без... железной шапки...

— Ты не ошиблась, моя милая. Сергей мне говорил, что художник Васнецов на своей картине придал Илье Муромцу сходство с нашим государем.

— Ах, Элла, я так всё здесь люблю!

Все шесть недель пребывания в гостях у сестры превратились для Аликс в снежную русскую сказку. Был ли это пикник в лесу с кострами, балалаечниками, дымным чаем и прожжённой рукавичкой или катание ночью на тройках с колокольцами под звёздным морозным небом, они всегда оказывались рядом. На дворцовом катке в Зимнем Ники помогал ей надевать коньки, выводил на лёд, учил ставить конёк, скользить.

— Ники, а коньки — это маленькие кони, да?

Она катилась, нелепо взмахивая руками, падала. Улыбалась сквозь слёзы:

— Лод...

— Не лод, а лёд. Мягче, язык к небу, — учил наследник, и её слёзы высохали.

— Лёд, — она старательно круглила губки, и он замирал от желания их поцеловать.

Скоро подкатила Масленица. Растеплилось, стало сыро, пасмурно. Опять катались на тройках из царских конюшен. Из-под копыт коней летели комья мокрого снега... Ходили на ярмарку. Аликс, немея от восторга, глядела, как пешие и конные штурмовали снежный городок. А поодаль, в кругу толпы, наряженная в сарафан медведица носила на коромысле ведро с водой, кланялась.

— Как вы могли на неё охотиться? — пеняла она Ники. — Такая смешная... Как ты говорил, мёд-ведь — «мёдом торговать».

— Мёдом ведать! — смеялся счастливый наследник.

— Хочу блины с мёд-ведом, — Аликс впервые не чувствовала сковывающего её смущения.

Выглядывало солнце, над ярмаркой стоял дым. Пахло подгоревшим тестом. Сверкали золотые купола церквей, звонили колокола.

— Слышишь, как выговаривают? «Блин-блин-блин»! — склонялся к своей даме наследник.

Она прислушивалась, хлопала в ладоши:

— Это чудо, Ники, они будто живые!

В конце Масленицы в Александровском дворце Царского Села государь давал традиционный бал. На него съезжался двор и весь петербургский свет. Аликс была ошеломлена сиянием громадного зала. Блеск эполет, звёзд и бриллиан-

тов колот глаза. Она робко жалась к сестре. Но вот в компании великих князей и военных появился наследник. Он был в нарядной форме офицера Преображенского полка и всё время крутил головой. Её сердечко зашло от радости: «Меня он ищет, меня!..»

И вот уже подол её лилового платья развевается в танце. Алиса — дама «мазурки» наследника. На глазах у всего Петербурга твёрдой рукой Николай обнимает её стройный и гибкий стан. Она кружится в сиянии голубых глаз цесаревича, почти не касаясь наощённого паркета. И золотистый локон, развеваясь, тонко щекочет кончик носа царственного кавалера...

«Ты, разумеется, слышал, что моя помолвка с Аликс Гессенской будто бы состоялась, но это неправда, это вымысел из ряда городских и газетных сплетен. Я никогда так внутренне не страдал, как в эту зиму. Даже раньше, чем они приехали в город, стали ходить слухи об этом. Подумай, какое было моё положение перед всеми на вечерах, в особенности когда приходилось танцевать вместе! Она мне чрезвычайно понравилась, такая милая и простая», — изливал душу престолонаследник князю Сандро.

Он был очарован гессенским Солнышком. «Моя мечта — когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно её люблю, но ещё глубже и сильнее с 1889 года, когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты», — признаётся наследник белому листу дневника в декабре 1892 года.

Но у царственных родителей иные намерения. Принцесса Гессенская в списке невест для цесаревича вовсе не значится. Императрица осторожно заводит разговор с сыном о дочери графа Парижского Елене. Намекает на волю отца,

Александра III, желающего женить его на французенке и тем укрепить отношения с «этой марсельезой».

Не желает брака Аликс с русским наследником и её бабка — королева Виктория. «Я склонна сохранить Аликс для Эдди или для Жоржа. Ты должна воспрепятствовать появлению новых русских или прочих желающих подцепить её», — писала она другой своей внучке — Виктории.

Из Англии приходит повергнувшее цесаревича в уныние известие: к Аликс сватается Эдди, сын принца Эдинбургского...

16. Путешествие наследника через два океана

Крейсер «Память Азова» без демонтированных морских орудий, с пустыми минными погребами вспарывал морскую пустыню. Чайки вились за кормой, падали в пенный след. Цесаревич Николай в белой рубашке навывпуск и белых брюках стоял у борта на верхней палубе и глядел, как медленно тонет в волнах жаркое египетское солнце. Позади Вена, Греция, Египет. Предстоит посетить ещё Индию, Китай, Японию. Это путешествие предпринято наследником русского престола по настоянию отца Александра III. Пусть будущий самодержец воочию увидит, сколь велика Россия от Петербурга до Владивостока и сколь далеко простираются её международные интересы.

В путешествие вместе с ним отправился любимый брат Георгий. У него слабые лёгкие. Морской солёный воздух и тепло должны пойти ему на пользу. Наследник рад, что они вместе. Кому, кроме Жоржа, можно ещё поведать свои сердечные дела! Кто разделит с ним горечь отказа Алисы при-

нять Православие! Когда они отплывали, принцесса гостила у сестры в загородном имении Ильинском.

«Если бы удалось встретиться с ней в Ильинском, я бы сумел убедить Алису перейти в Православие», — на ветру и просторе цесаревичу думалось легко и смело.

Мягкий звериный прыжок сзади на плечи заставил наследника вздрогнуть, сбил с мысли. Некто, быстрый и ловкий, сдёрнул с головы фуражку и принялся щекотно копаться в волосах. В ту же минуту раздался частый топот ног, и на палубу выскочил красный и потный мичман Северьянов.

— Чаки, Чаки, подлая скоти...

Увидев макаку на плече цесаревича, мичман разве что в соляной столб не обратился.

— Простите, ваше императорское высочество, вырвалась, зараза, из клетки, никак не поймаю! — мичман застыл по стойке смирно.

Наследник засмеялся, отходя от испуга. К ужасу мичмана, обезьянка перескочила с плеча на грудь и обняла цесаревича за шею.

— Привет, привет, Чаки! Как ты напугал меня, — наследник взял обезьянку и передал мичману.

Бормоча извинения, придерживая вырывающуюся макаку за ошейник, мичман метнулся вниз. Шум на палубе разбудил дремавшего в шезлонге великого князя Георгия. Он встал, потягиваясь, прошёлся вдоль борта.

— Обезьянка сильно разочарована, что не нашла у вашего высочества блох? — Георгий сладко потянулся, зевнул. — Как хорошо, что я с тобой поплыл...

— Ты и впрямь не жалеешь? — Николай достал расчёску, пригладил взъерошенные макакой волосы.

— Что ты, Ники! Я впервые вижу, сколь велик мир и как он древен. Помнишь, в Риме, в Колизее, ты спросил, где эти

императоры, гладиаторы, львы, колесницы? Остались одни камни, а ещё память... Смотри! — Георгий показал рукой в небо.

От светлого горизонта, где зашло солнце, наперерез крейсера летел огромный журавлиный клин. При порывах ветра, относившего за корму шум машин, долетали плачущие птичьих клики. По мере приближения к синевшим вдали горам клин ломался, будто птицы наперегонки устремлялись к желанной земле.

— Может, из Ильинского летят, — глядя, как Ники зачарованно провожает журавлей, сказал Жорж. — Представь: из косяка падает на палубу к твоим ногам письмо. И там её согласие.

— Совсем не смешно, а очень глупо! — наследник поглядел на брата ледяным взглядом, который потом будет приводить в трепет министров и командующих фронтами.

— Извини, Ники, я не хотел тебя обидеть. — Георгий зашёл в кашле.

Наследник, переживая, глядел, как у брата набухают от напряжения на шее жилы, сквозь загар проступает бледность.

— Принести тебе ингалятор?

— М-м-м, — Георгий замотал головой, отёр рот платком, — сейчас всё... отпустит.

Минуты через три, когда приступ кашля прервался, оба сделали вид, что ничего и не было.

— Я был бы рад такому журавлиному письму! — заглаживая свою резкость, сказал наследник. — Бросился бы к нему в плавань...

— Вот увидишь, Ники, она согласится. Вот Элла вовсе не была обязана принимать Православие. Побывала в Иерусалиме и, несмотря на протесты отца, перешла в нашу веру.

Георгий поднял глаза к быстро темневшему небу:

— Самое прекрасное и великое в нашем подлунном мире — жить во Христе и со Христом. Он всегда и во всём приходит на помощь, когда мы Его призываем.

— Думаю, и папа не смог бы править без Божией помощи, — сказал Николай и перекрестился. — Помилуй, Господи!

Оба замолчали, думая об одном: придёт время, и ему, Николаю II, предстоит нести крест русского самодержавия. Нахлынуло пугающее и радостное ощущение, что они одни, два царственных брата, во Вселенной среди волн и звёзд. Вспомнили вдруг, как разбуженный воем Милорда Жорж прибежал в кровать к Ники. И как они вместе ходили в кабинет деда мимо залы, глядели на гроб с телом убиенного Александра II.

— Извините, ваше высочество, где прикажете накрывать ужин? — подошёл князь, генерал-адъютант Владимир Барятинский, ответственный за экспедицию.

— Давайте на палубе, — Николай наткнулся взглядом на белевший в темноте платок в руке Георгия. — Впрочем, здесь слишком свежо. Пусть накроют в кают-компании. После ужина принесите мне список подарков для индийских властей.

— Ваше высочество, подарков осталось меньше половины. Боюсь, японцам не хватит.

— Запросите ещё. Телеграфируйте министру двора Фредериксу.

— А успеют?

— На всякий случай умерьте аппетиты. Извини, Жорж, что перебил.

— Жить во Христе и со Христом, — продолжил, отдышавшись после приступа, Георгий. — Для этого надо отвергнуть себя, избавиться от самолюбия и гордыни. У святителя Парфения Киевского есть чудная молитва: «Господи Иисусе

Христе, Сыне Божий, не попусти, чтобы суетность, самолюбие, чувственность, нерадение, гнев господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей...»

— Как прекрасно и точно!

По прерывистому голосу Николай догадался, что Георгий борется с новым приступом кашля. Увлекая брата, он спустился по трапу в кают-компанию.

После ужина долго пели и веселились. Трио офицеров на «бис» исполняли романсы. Тот самый мичман Северьянов душещипательно играл на гитаре аргентинские танго. Греческий принц, напросившийся с ними в путешествие, удивительно ловко фехтовал тростью, внутри которой была настоящая шпага.

Наследник даже не заметил, как исчез Георгий. Решил было зайти к нему в каюту, но остановился, побоялся разбудить. Отправился к себе. Под утро сквозь сон он слышал, как крейсер пришвартовался в порту Бомбея.

В двухнедельной программе пребывания в Индии была запланирована встреча с вице-королём, генерал-губернатором Индии английским лордом Джоном Лоуренсом. Отец советовал также обязательно познакомиться с молодым лидером индийского конгресса Мотилалом Неру.

Александр III предрекал Мотилалу большую роль в освободительном движении против англичан. Были подготовлены подарки для самого Мотилала и его двухлетнего сына Джавахарлала Неру*.

Индия поразила наследника и свиту непохожестью на Россию. Тысячи солнц, больших и крохотных, сияли в окнах лавок, в пыли на обочинах, в камнях и деревянных подставках. Это слепили отражёнными лучами латунные, медные,

серебряные блюда, кувшины, сосуды. В тени деревьев уличные цирюльники брили головы брахманов перед купанием.

— Смотрите, ваше высочество, вон, на берегу! — один из морских офицеров, сопровождающих братьев, кивнул на обнажённого человека, недвижимо застывшего у воды.

— Это дигамбар-джайн. Закон предписывает ему «одеваться пространством», — пояснил приставленный к делегации английский полковник Ирвин. — А вон те, длинноволосые, — это йоги. Ходят по раскалённым углям и спят на гвоздях...

Обратила на себя внимание проходящая мимо красавица-индианка в сари из чудесного, расшитого золотыми нитями бенаресского шёлка. Её нисколько не смущали тянущиеся к ней руки нищих. Звенящие вдали колокольчики предупреждают о приближении прокажённых... Посреди улиц, царственно развалившись, жуют жвачку коровы. Крестьяне — худые, высушенные до черноты, тоже жуют. На губах у них красная пена. Николай видит, как Жорж морщится и отворачивается. Заходится в кашле. Здесь он кашляет чаще, чем на корабле.

Улица выводит на площадь, к огромному памятнику. Этакое трёхглазое чудовище, обвитое змеями, с четырьмя разведёнными в стороны руками. В одной сверкает секира.

— Дикае люди, напридумывали кучу богов. Это самый злобный — бог-разрушитель Шива, — показывает на памятник полковник. — Зря вы, ваше величество, отказались от пробковых шлемов. В них намного прохладнее, чем в ваших белых фуражках (сознательно или нет, англичанин называет его не «высочеством», как положено, а «величеством», будто коронованного государя).

— А в каких отношениях этот Шива находится с другими богами? — наследник уверен, что англичанин не оговорился,

* Впоследствии стал премьер-министром Индии.

а намеренно, лстя, называет его «величеством», и в глазах его появляется тот самый романовский лёд.

— В отвратительных! — мгновенно реагирует полковник. — Садист этот их Шива. Разозлился и отрубил голову богу созидания и добра Брахме. Благо, что у того ещё три головы осталось. У них богов больше, чем министров в английском правительстве. Брахма — созидатель, Вишну — хранитель мира, Шива — разрушитель. Его-то они больше всего и задабривают. С царями у индусов вообще без церемоний, — полковник горд своей ролью гида, горит желанием понравиться наследнику...

Спускаясь в подземный храм Потал Пури. Ездили к знаменитому на весь мир факиру. Своими заклинаниями тот обращал вспять пространство и время. Они видели воочию своих родных, самих себя. Как они сходят с крейсера по сходням, разговаривают, смеются. Удивлению их не было предела. Но стоило одному из офицеров начать молиться, как видение исказилось и исчезло. Факир позеленел и затрясся от злобы...

Генерал-губернатор лорд Лоуренс принял их на третий день в своём дворце в Дели. Подстриженные деревья, бассейны, фонтаны. Наследник заметил, что в первый момент сухопарый чопорный лорд оскорблённо удивился приплывшим в Индию «русским мальчишкам». Но памятуя, что перед ним стоит двоюродный брат будущего короля Англии и наследник русского престола, повёл себя очень вежливо. Расспрашивал о впечатлениях. Его покровительственный тон сменился на уважительный, когда цесаревич в своей мягкой манере высказал сожаление, что английский парламент видит в России всего лишь «огромный ледник, нависающий над Индией».

Вице-король принялся уверять, что это не позиция королевы и парламента, что это всего лишь частное мнение лорда Биконсфильда, необдуманно бросившего такую фразу...

Намного сердечнее прошла встреча с Мотилалом Неру. По-европейски образованный, с безупречным английским, Мотилал, в отличие от вице-короля, говорил об Индии с любовью и болью:

— Индия своими очертаниями напоминает человеческое сердце. Оно пульсирует в ритме добра и любви. Сегодня всё наше золото, серебро и драгоценные камни текут в Англию. Мы — сырьевой придаток. Но, как сказал наш мудрец Вивикананду, Индия пока склоняется перед фабричной трубой, как перед военным знаменем... Англичане больше всего боятся, что мы из лягушек, прозябающих в своём болоте, превратимся в птиц, которые летают, где хотят. Россия — самая великая в мире страна, и мы будем рады с ней дружить и развивать экономические связи...

По приглашению Мотилала цесаревич вместе с братом Георгием и князем Барятинским побывали у него дома. Двухлетний Джавахарлал онемел от счастья, когда получил в подарок игрушечных деревянных медведей, которые пилили бревно, плясали и боролись.

Сказочное пребывание в Индии омрачила болезнь Георгия. Жаркий и влажный, напоенный ароматами цветов воздух не пошёл ему на пользу. В один из вечеров у него после приступа кашля пошла кровь горлом. Отправили срочную телеграмму отцу. Государь повелел Георгию прервать путешествие и возвращаться домой. После его отъезда Николай загрустил. Мучило предчувствие, что дни любимого брата сочтены.

Огибая континент, крейсер устремился на восток. Не по картам и учебникам, а своими глазами будущий император созерцал величие пространств Российской империи. Для малых и слабых государств Россия была защитницей и покровительницей, для Германии и Англии — нависающим над их захватническими планами «ледником».

«Тысячу раз прав папá, что у России два верных союзника — армия и флот!», — под крики чаек и океанский гул размышлял цесаревич.

За тысячи морских миль от дома, вопреки оптическим законам, Россия в глазах будущего царя не уменьшалась, а вырастала в своём величии. Ночами, под плеск волн за стенкой каюты, он предавался размышлениям о судьбах Отечества.

Не кистями и красками рисовались ему картины царствования великих предшественников. В злом сверкании мировых «исторических молний» представляли деяния Петра I, Екатерины II, Николая I, погибшего деда Александра II. Взлетали над поверженными бородатыми головами топоры палачей в утро Стрелецкой казни. Каркали ожиревшие вороны на плывущих по Волге после Пугачёвского бунта виселицах. Грохотали пушки, визжала картечь и лилась кровь восставших на Сенатской площади...

«Где взять веса, чтобы определить меру неизбежного зла ради блага большинства подданных? — до рассвета, до утренних криков чаек ворочался цесаревич на узкой кровати. — „Самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в Государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственной бывает причиною“, — выдавала алмазная память подсказку из Манифеста о восшествии на престол Екатерины II. — Знала, но не „обуздывала“. Виселицы-то плыли. Но как иначе?» — в полудрёме всё делалось зыбким, укачивало.

Приближалась Япония. В сопровождении шести кораблей Российского императорского флота наследник российского престола прибыл в Кагосиму, затем в Нагасаки. Готовясь к встрече с принцем Арисугавой Тарухито, цесаревич познакомился с Конституцией, составленной ещё в VII веке

принцем Сетоку. Вспомнил, как восхищался ею Константин Петрович Победоносцев. Да, было чем.

У каждого человека есть сердце, — начиналась одна из статей. — А у каждого сердца есть свои наклонности. Он считает это хорошим, я — дурным. Я считаю это хорошим, он — дурным. Но я вовсе не обязательно мудрец, а он вовсе не обязательно глупец. Оба мы только обыкновенные люди...

«И здесь тоска по Истине, — вспомнил ночные размышления цесаревич. — Наклонности у сердца разные, а Истина одна... Какое счастье выпало нам, христианам, приобщиться ко Христу, идти за Ним, вооружиться Его Истиной...»

В Киото он встретился с принцем Арисугавой. Приёмы, беседы, экскурсии. По дороге назад Николай и свита в ожидании поезда зашли в здание вокзала города Оцу. Шумные, молодые, весёлые. И никакого предчувствия опасности. Никакого. До того самого мига, когда из-за колонны выпрыгнула хищная тень с обнажённым мечом. Японский полицейский кинулся к цесаревичу сзади. Николай краем глаза уловил блеск лезвия...

17.

Прощальное письмо ранило сильнее, чем самурайский меч

Заживает рана на голове цесаревича. И что ему путь в тысячи вёрст! Там ждёт Алиса, принцесса из сказки. Сидит во дворце у окошка, глядит на дорогу и льёт слёзы.

Из Владивостока наследник по дорогам и рекам отправляется в Санкт-Петербург. Через Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Читу, Иркутск, Томск, Сургут, Тобольск, Омск, Оренбург будущий государь движется в Северную столицу.

Вехами на его пути становятся триумфальные арки, воздвигнутые в его честь в Благовещенске и других городах... Заложенное цесаревичем основание Успенского собора в Омске, участие в открытии строительства самой длинной в мире Сибирской железной дороги. Здесь он зачитывает царский Манифест о том, что царь жалует «близкой сердцу Сибири» дорогу до Владивостока...

Впоследствии князь Ухтомский, путешествовавший с цесаревичем, издаст прекрасно иллюстрированный фотографиейми Владимира Менделеева, сына великого Д. И. Менделеева, трёхтомный отчёт об экспедиции.

Ювелир Фаберже изготовит яйцо «Память Азова» с миниатюрной копией крейсера внутри. Никто никогда из династии Романовых не совершал столь далёких путешествий. Будущий венценосец явственнее, чем отец, дед и прадеды, представляет теперь бескрайние пространства и безмерные богатства своей империи. Думал ли, возвращаясь домой, юный, полный сил и надежд, с грудой драгоценных подарков и незабываемых впечатлений, что всего через три года, в двадцать шесть лет, он взойдёт на трон?..

И вот настал долго приближаемый миг встречи. Железные объятия отца, поцелуи и слёзы матери, сестёр и братьев, радость друзей и двора. Просолённый штормами двух океанов, овеянный семью сибирскими ветрами, в упор видевший смерть, цесаревич, в отличие от его свиты, царственно немногословен. Только один император-отец понимает его состояние. Николай не только увидел безбрежье империи, но и почувствовал непомерную тяжесть будущего царского креста. Но вскоре это прошло и схлынуло, растворилось в радости встреч, беседах, расспросах, но более в мечтах о встрече с дармштадтской принцессой! Как мило она будет скидывать в удивлении брови от его рассказов, как засияют

её глаза, как жарко будут трепетать её прекрасные пальчики в его руке! И вдруг это её письмо в пятнышках высохших слёз.

Уединившись, наследник вчитывался в прощальные горькие строки. Бумажное лезвие письма прямо-таки рассекало влюблённое сердце на две половинки. Предложи ему в эту минуту отец женитьбу на Елене Орлеанской, Маргарите Прусской, на Царевне-лягушке или Бабе-яге, он бы согласен кивнул. Оконное стекло в итальянском домике с нацарапанными алмазом именами разбилось. Мелкие осколки-слезинки застыли строчками:

О моих чувствах ты уже знаешь от Эллы, но я считаю, что должна сказать о них сама. Я долго всё обдумывала и прошу тебя только не воображать, что мне это легко. Это ужасно печалит меня, и я так несчастна. Я пыталась взглянуть на это с разных сторон, но всё время возвращаюсь к одному и тому же. Я не могу пойти против своей совести. Ты, дорогой Ники, как глубоко верующий, поймёшь, что для меня грех переменить религию, и я всю жизнь буду страдать, зная, что совершила дурной поступок... Раз за все эти годы я не переменяла своего решения, думаю, что теперь настало время снова сказать тебе, что я никогда не смогу переменить вероисповедание. Уверена, что ты всё правильно поймёшь и так же, как и я, увидишь, что мы только мучаем друг друга из-за невозможного, и было бы дурно позволить тебе питать напрасные надежды, которые никогда не осуществятся. Теперь прощай, мой дорогой Ники, благослови и сохрани тебя Бог...

Но что это? Как он до сих пор не заметил крохотную приписку в уголке письма — целебную повязку на рассечённое сердце: *Всегда любящая тебя Аликс.*

— Всег-да! — цесаревич нежно поцеловал листок.

18. Победила любовь

Все были против. Император Александр III, королева Виктория, Германия и Франция, лютеранский запрет и сама Алиса с её прощальным письмом. И, кажется, не существовало в поднебесном мире сил, способных сдвинуть эту «бетонную стену» хотя бы на спичечный коробок. Но... лёгкий взмах крыла Промысла Божиего — и «стена» рассыпается в прах.

Весной 1894 года Николай с великим князем Сергеем, его супругой Елизаветой, с братьями и сёстрами по приглашению брата Эллы и Алисы Эрнста-Людвига приезжают на его свадьбу с принцессой Кобургской Викторией-Мелитой. Расставшиеся «навсегда» Николай и Алиса опять устремляются навстречу друг к другу. Любовь сломала все преграды. Счастливый Николай писал матери:

Милая мамá, я тебе сказать не могу, как я счастлив и как я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого папá в эту минуту! Для меня весь свет перевернулся, всё — природа, люди, всё кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись... Хотелось посидеть в уголке одному с моей милой невестой. Она стала совсем другой: весёлой и смешной, разговорчивой и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое благодеяние...

И через сто, и через двести лет, и в веки вечные будут пульсировать на пожелтевшем от времени листе эти строки большой любви двух юных безгрешных сердец.

Милый, дорогой мой! Лежу в постели, но не могу заснуть, не написав тебе, так как, увы, не могу с тобой говорить. Ах,

как я скучаю без тебя, и сказать не могу! И как я мечтаю о тех двух часах, которые мы проводили вдвоём! Нет прощения и нет благословения, так тяжело. Но наши мысли будут встречаться, не так ли? О, как я хотела бы прижать тебя к моему сердцу и поцеловать твою голову, дорогой мой, милый! Я так одинока без тебя. Да благословит и да сохранит тебя Бог, дорогой мой, и да ниспошлёт Он тебе безмятежный и сладкий сон...

Только я закончила одно письмо тебе, и уже хочется начинать второе. Я известная болтушка, а когда ты со мной, я немею, как старая сова. Если знаешь какую-нибудь книгу, переведённую с русского, и хотел бы, чтобы твоя глупая лягушка её прочла, то назови... Дорогой мой, как я тебя люблю! Больше, больше с каждым днём, вернее, преданнее, глубже, чем могу высказать. Когда вечером меркнет дневной свет, погружаясь в тьму ночную, мрак облит солнечным светом при воспоминании о твоём лице, а утром всё мне шепчет любимое имя, и я просыпаюсь для того, чтобы любить тебя больше и больше...

Мой добрый мальчик, никогда не меняющийся, всегда преданный, верь и полагайся на твою девочку, которая не в силах выразить словами своей глубокой и преданной любви к тебе. Слова слишком слабы, чтобы выразить любовь мою, восхищение и уважение. Что прошло, прошло и никогда не вернётся, и мы можем спокойно оглянуться назад. Мы все на этом свете поддаёмся искушениям, и в юности нам трудно бывает бороться и противостоять им, но как только мы раскаиваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас... Господь прощает кающихся. Прости, что так много пишу. Мне хотелось бы, чтобы ты был

во мне вполне уверен и знал, что я люблю тебя ещё больше после того, что ты мне рассказал.

Святая душа, сама не ведая того, она обращалась и к нам, потомкам, когда писала:

Любовь — единственное, что мы не теряем на земле. Она подобна прохладной реке, становящейся всё шире и глубже, приближаясь к морю, которая заставляет зеленеть луга и цвести цветы. Она протекает через Рай, и её называют Рекой Жизни. Да, воистину, любовь — высшее земное благо, и жаль того, кто её не знает.

19.

«Что не вылечить, надо вытерпеть»

По исхудалым щекам императора катятся слёзы. Письмо наследника — как пылающий метеорит. В огне его сгорают прежние царские замыслы укрепить отношения с Францией женитьбой наследника на Елене Орлеанской, опасения о «проклятии рода Кобургов»... И высыхают слёзы на царском лице, рождается созвучие сердец отца и сына.

Государь берёт лист бумаги, смотрит на часы. Мария Феодоровна может обидеться — опять надолго засиделся в кабинете. Он успеет написать ответ, пока его Минни читает перед сном французский роман. Тогда фельдъегерь в ночь отправится с письмом к Ники в Германию.

Мы сейчас уже начали получать телеграммы и завалены ими до сих пор... Теперь я уверен, что ты вдвойне наслаждаешься, и всё пройденное, хотя и забыто, но я уверен, принесло

тебе пользу, доказав, что не всё достётся так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю твою последующую семейную жизнь! Не могу представить тебя женихом, так это странно и необычно! Как нам с мамá было тяжело, не быть рядом с тобой в такие минуты, не обнять тебя, не говорить с тобой, ничего не знать и ждать только письма с подробностями!..

И эти нежные сердечные строки принадлежат великому самодержцу, который завязывает узлом сталь кочерги и в чьём характере с годами всё явственнее проступают черты Иоанна Грозного.

Милый дорогой Ники, ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью ко Господу мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил возможности такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил, и великая Ему благодарность за Его милости. Если бы ты видел, с какой радостью и ликованием все приняли это известие!..

И вот заспанный, но преисполненный важности от возложенного на него долга царский фельдъегерь мчит из Санкт-Петербурга в Германию, в Кобург, вручает отцовский ответ цесаревичу. И прежде чем наследник вскроет пакет, заметим: каждое слово этого письма — капля благодатной влаги на злые угли исторической лжи, будто бы Александр III не любил старшего сына и вознамеривался передать трон младшему — Михаилу. Всё это напраслина.

— Аликс, папá и мамá счастливы за нас с тобой! — Николай протягивает послание невесте: — Прочти!

— Удобно ли? Оно адресовано тебе, — принцесса прячет руки за спину и краснеет.

— Папá пишет, что рад за нас. Читай...

Отзвуки свадебных тостов и звон бокалов в честь новобрачных — брата Алисы Эрнста Людвига и Виктории-Мелиты — ещё витают под сводами Кобургского замка, но уже откланялись и уехали в Россию великий князь Сергей Александрович с супругой Эллой (Елизаветой). Отслужили благодарственный молебен за решение принцессы Гессенской принять православную веру. А Николай всё не может поверить своему счастью.

— Твой отец так велик и суров, я раньше всегда его боялась, а после этого письма перестала. Он так мил и сердечен! — Алиса взяла жениха за руку: — Твоя мамá, как она добра! Хочет быть не «тётушкой», а «дорогой мамá». О, Ники, я так счастлива!»

Николай губами поймал скатившуюся по её щеке солёную слезинку.

— Ты что? — и тут же вспомнил, что она рано лишилась матери, росла сиротой.

Обнявшись, они сидели на диване, перечитывали царское письмо.

Неблагодарный труд — сочинять диалоги для влюблённых. Вымысел ничто по сравнению с дошедшими до нас письмами. Алиса, как и Николай, делится сердечными тайнами с его сестрой, великой княжной Ксенией, в письме:

Осталось только два дня, а потом мы расстанемся. Я чувствую себя несчастной при мысли об этом, но что не вылететь, надо вытерпеть... Не могу описать моего счастья — оно так велико, и я могу лишь на коленях благодарить Бога за то, что Он меня вот так наставил...

Поезд увозит влюблённого цесаревича Николая в далёкую Россию. Он стоит у окна вагона, в руке у него письмо Алисы. Она передала его перед самым расставанием. Он целует глазами строчки:

Если бы ты только знал, как я тебя обожаю, а годы только укрепили и углубили мою любовь...

За окном вагона проплывает кирха с устремлённым в небо остриём. Старик с девочкой сидят на ступенях. Игрушечные домики с красноватыми крышами, деревья, чайка на зелёном газоне...

Я бы только хотела быть достойной твоей любви и нежности. Ты слишком хорош для меня...

Он вспомнил, как вчера под вечер гулял с Алисой по парку. Дул зябкий апрельский ветер.

— Люди несчастны, потому что слишком много думают о себе, — она вскидывает к нему раздумывавшееся от ветра лицо. — Господь же отвергал весь наш эгоизм, всё личное. Он завещал нам любить даже тех, кто забивал в Его ладони и стопы гвозди...

Говорила, прикрывая от ветра лицо перчаткой, и спрашивала глазами его одобрения. Он улыбался, сжимал её руку.

— Ты чему улыбаешься?

— Я улыбаюсь тебе. Прости! — он наклонился и поцеловал её руку.

— Это ты меня прости. Говорю о любви, а сама злюсь, — Алиса наклонилась тоже и так быстро коснулась губами его руки, что он не успел отдёргнуть: — Ты мой повелитель, а я всего лишь твоё рёбрышко.

Вспоминая этот разговор, цесаревич заулыбался так широко, что сидевший напротив Жорж несколько раз хлопнул в ладоши:

— Ники, очнись! Мы не в Кобурге, мы в поезде!

— Как ещё долго ждать! — тихо вздохнул цесаревич, имея в виду год до свадьбы.

— Не заметишь, как приедем туда снова, — не поняв, успокоил Жорж.

Николай обнял брата:

— Ты не представляешь, как я счастлив!..

20.

Схватка царя с медведем.

Выстрел наследника

Зверь вскинул широколобую башку над разрытой муравьиной кучей, обмахнул с морды лапой муравьишек, насторожился. Осенний лес, озолоченный утренним солнцем, вдруг затрубил, затрещал, огласился собачьим лаем и человеческими криками. Гонимый пугающей волной звуков, медведь, взбурываясь мышцами и блестя шестью, покатился в бурелом, где облюбывал место под берлогу... Прямо на линию стрелков.

Цесаревич Николай с ружьём наизготовку притаился под пожелтевшим дубом. Со взгорка ему хорошо было видно сквозь кусты отца. Государь стоял, прислонившись к необхватной сосне, держа под мышкой двуствольный немецкий штуцер. На его охотничьей шапке сизо взблескивало утиное пёрышко.

«Пусть хоть тут, в Спале, расслабится папá, — думал цесаревич, следя глазами за отцом. — Они охотятся на нас, как

мы на зверей. Семь раз покушались на деда, пока не убили. В годовщину смерти Александра II после панихиды готовились на пути от Петропавловского собора взорвать папá... А тот бросившийся на меня в Оцу самурай... Такой ли уж он фанатик-одиночка? — наследник потрогал рубец на голове от удара саблей. — Как волки стерегут, идут за нами по следу. И виселица их не останавливает. На прошлой неделе в Петербурге полиция нашла склад глицерина, металлические опилки и все припасы для изготовления бомб...

В последнее время у отца по утрам сильно припухшие, отёкшие глаза. Мама жаловалась, что не может заставить его обследоваться. Хотела вызвать профессора Захарьина, он раскричался... После папá царствовать мне. Но это будет, дай Бог, нескоро. Лет через двадцать — тридцать, — успокаивал себя Николай. — Двадцать шесть плюс тридцать...»

Шуршание палой листвы сбilo его со счёта. По просеке, закинув рогатую голову на плечи, совсем близко от государя промчался олень. При каждом прыжке он сверкал беловатыми подмышками.

«Папá успеет прицелиться!» — Николай напрягся в ожидании выстрела.

Через секунды олень скрылся за деревьями. Тут же, нагнув головы, лова след, выбежали два пегих гончака. Взлаивая, умчались по оленьему следу.

«Никогда ещё папá не упускал без выстрела зверя, — наследник видел, что государь стоит, привалившись плечом к сосне, — видимо, задремал на солнышке. Встали-то за темно...»

От цепи стрелков долетели звуки выстрелов. Спустя минуту раздался жуткий, налитый болью крик. Он был настолько дик в это чудесное утро, что спину цесаревича осыпало мурашками. «Что это могло быть? Ранили загонщика?

Кабан-подранок кинулся на стрелка? — недоумевал Николай. — В той стороне, откуда раздался крик, на номерах стоят его дядя, французский посол, генерал Черевин... Кто-то ещё?»

В этот момент неподалёку от государя затрещал валежник. В кустах мелькнула тёмная лохматая туша.

«Раненый вепрь ломится на отца!». Николай, подавшись вперёд, во все глаза смотрел, как император вскинул ружьё, прицелился. Два быстрых выстрела слились в один, но не остановили зверя. Цесаревич увидел, как сбоку, метрах в двадцати от императора, из-за деревьев выскочил человек, сорвал с головы шапку, подкинул кверху. И тогда над кустами всплыл здоровенный косматый медведь, лова передними лапами шапку. Человек вскинул над головой руку с блеснувшим ножом и упал медведю в ноги.

«Саливон! — узнал цесаревич в человеке с ножом царского егеря. — Откуда тут взялся медведь? Сроду не было...» Не успел он додумать, как Саливон отлетел в сторону, покатился по траве. Медведь с рёвом бросился к царю. Государь отступил, спрятался за дерево. Пытаясь достать охотника, зверь встал в дыбы, обнял передними лапами сосну. Николай со всех ног бросился на помощь, не чувствуя, как ветки рвут одежду, колют лицо и руки. Сбежав в низину, он увидел леденящую душу картину. Медведь и царь, будто измеряя толщину сосны, обнимали ствол с двух сторон. Разверстая красная пасть зверя изрыгала рычание. Он клонил башку набок, норовя достать человека клыками, но государь крепко держал его за лапы. Царь и медведь всё время двигались, не давая цесаревичу прицелиться. А тут ещё рядом замаячил оправившийся от удара, весь в крови, царский егерь.

— Падай, Саливон, падай! — закричал цесаревич.

Он был одним из лучших стрелков из винтовки во всей гвардии. Но тут на мушке мелькала то медвежья пасть, то голова отца...

Саливон послушно рухнул в траву на руки. Грянул выстрел.

Медведь, вырвавшись из царских рук, вдруг кошкой метнулся вверх по стволу, сорвался, упал. Подскочивший Саливон ударил его ножом под лопатку.

Государь сидел на земле, уронив руки. Николай бросился к нему, упал на колени:

— Он тебя зацепил? Ты ранен?!

— Слава Богу, цел, — государь встал, перекрестился. — Хорошо, что ты подоспел, а то бы он меня причесал.

— Говоришь, не ранен, а кровь?

— Где?

— Все руки в крови.

— Руки? — царь поднёс окровавленные ладони к глазам.

— Пока за лапы, ваше величество, держали, кровь из-под ногтей-то и засочилась, — прилаживая содранной когтями лоскут кожи к затылку, сказал Саливон. — Я ведь ему прямо в грудь стрелял. Вижу — прёт. Шапку кинул, чтоб на дыбы поднять, брюхо ножиком распустить, а вишь, как он отмахнулся... аж звёзды в глазах засверкали! — Саливон нагнулся над поверженным зверем: — Их высочество в упор стрелял. Не дрогнула рука!

— У тебя голова-то как? — спросил цесаревич.

— Когтем задел. Ничего, слюнями прилеплю, землицей присыплю, как на собаке заживёт. Пришлый зверь, гонный. Такие тут никогда на зиму не ложились.

Государь, явно бодрясь, тоже присел на корточки перед медведем. Зверь лежал на боку, подвернув к груди оскаленную морду.

— Вот след от моей пули, она ото лба отрекошетила, — государь поднялся, отошёл к кустам. Его стошнило.

Поляну заполнила толпа охотников. Великий князь Николай Николаевич, обдав наследника запахом коньяка и лимона, нагнулся, погладил блестящий на солнце медвежий загривок:

— Вот это экземпляр! Шкуру у камина надо расстелить. Кто добыл? Ты, Ники?

Потом он заметил согнувшегося в поясе царственного брата:

— Чего это он?

Цесаревич рассказал, как всё случилось.

— Медведя удержать за лапы? Шутишь, Ники?

— Жить захочешь, удержишь! — государь отёр рукой губы, поманил Николая Николаевича, что-то тихо сказал, но так, что тот вытянулся в струну, зыркнул глазами на подходившего французского посла.

Наблюдавший всё это наследник понял, что отец не желает предавать огласке эпизод с удержанием медведя.

Трубили рога, гремели выстрелы. Среди приглашённых в Спалу на царскую охоту находился и английский принц Георг, двоюродный брат цесаревича, князь Николай Черногогорский, французский посол Палеолог.

Государь повелел не останавливать охоту и сам оставался в лесу до вечера. В замок вернулся уже в сумерках. После ужина участники охоты вышли наружу. У входа отдельными кучами лежали трофеи: олени, кабаны, лоси, зайцы. В самом центре темнела туша медведя. В свете фонарей и факелов жутковато белела оскаленная пасть. Ветерок шевелил шерсть на загривке.

— Того и гляди вскочит и кинется! — раздался хмельной бас великого князя Николая Николаевича. — Ники, иди сюда.

Наш Горный Орёл* не верит, что государь удержал медведя за лапы. Ты же видел, стрелял.

— Вы же знаете, князь Николай, мой дядя, большой шутник, — одарив Николая Николаевича ледяным взглядом, сказал подошедший наследник и повернулся к подвыпившему дяде спиной. Князь Черногогорский улыбнулся и поклонился цесаревичу.

— Да-а..., я люблю шутку на охоте, где ещё шутить! — опомнившись, забасил Николай Николаевич. — Так будет с каждым, кто пойдёт против государя! — он пнул медвежьей тушу.

Церемониймейстер с крыльца звучно прочитал по списку, кто из охотников что добыл, и все опять вернулись за стол.

— Ты оставайся до конца вечера, а я пойду, — наклонился к сидевшему рядом наследнику император.

Видя, что царь что-то говорит, музыканты заиграли тише.

— Примчался граф Шувалов из Берлина. Пойду узнаю, что случилось. Никому не говори, а то Палеолог сразу всполошится. Французы каждый германский чох стерегут.

— Хорошо, папá, — кивнул Николай. — Надеюсь, граф привёз не ноту протеста Вильгельма на наш тайный договор с Францией?

— Не думаю, — государь насупил брови. — Никогда не говори о секретных вещах на людях. Шпионы смогут понять смысл слов по движению губ.

Выйдя из залы, Александр III стиснул зубы, удерживая стон. Что медвежьей лапы и кровь из-под ногтей по сравнению

* Будущий король Англии Георг V. В 1918 г. ничего не делает для спасения государя и царской семьи. По его приказу английский крейсер заберёт мать Николая II Марию Феодоровну.

с дикой опоясывающей болью в пояснице! Каменея скулами, он нагнул голову, делая вид для ожидавшего его в конце коридора дежурного офицера, что остановился в раздумье. Переждал приступ боли, прошёл в кабинет.

— Простите, ваше величество, что и здесь не даю вам покоя, — вскинулся при виде царя берлинский посол.

Тонкий царедворец, он в мгновение ока вычислил настрой государя и тут же выбрал покаянный тон.

— Не чинись, Павел Андреевич, сказывай, с чем прибыл! — государь, задержав дыхание, упираясь обеими руками в подлокотники, осторожно опустился в кресло, простым крестьянским жестом отёр ладонью холодный пот со лба.

— Император Вильгельм неподобающим образом в который раз облаивает наше Отечество, — со сдерживаемой обидой выдохнул Шувалов и внутренне напрягся: просторечное «облаивает» выскочило само в ответ на крестьянский жест царя.

Лаконично и сдержанно граф рассказал, как на заседании военного совета в Берлине обсуждали балканскую проблему. В один из моментов генерал Папендорф, возражая оппоненту, усомнился: «А что скажет на это Россия?» Император Вильгельм мгновенно пришёл в ярость: «Бес с ней, с Россией! Я порву её на мелкие кусочки!..»

— Это прямая угроза в адрес нашего Отечества. Я подготовил черновик письма Вильгельму от имени вашего величества, чтобы послать официальное заявление, — чутко следя за выражением лица императора, предложил Шувалов. — Чтобы впредь было неповадно.

— Не стану я связываться с этим психом! — сквозь зубы процедил государь, переживая новый приступ.

Эта боль в пояснице была для него страшнее, чем все угрозы императоров и королей Европы вместе взятых.

— Много чести писать ему... Ты, Павел Андреевич, возвращайся в Берлин и сделай вид, что ездил в Россию по семейным обстоятельствам.

— Слушаюсь, ваше величество! — граф поднялся из кресла.

За выражением готовности и почтения государь углядел на его лице глубоко скрываемое разочарование. Примчался сюда, в Спалу, из Германии оскорблённый за Отечество, с надеждой осадить распоясавшегося Вильгельма, подготовил гневное послание, а услышал царское равнодушное «наплевать».

— Благодарю за верную службу на благо России, Павел Андреевич, — превозмогая боль, посыпал сахару Государь. — Много для него чести, чтобы мы с тобой оглядывались на каждый его чох и брѣх!

После встречи с графом Шуваловым император отправился спать. Долго молился на коленях перед иконами, благодарил Господа Бога за избавление от смерти. Мог ли он знать, глядя на трепетное пламя свечи, что скоро вслед за медведем сама смерть протянет к нему ледяные когти... Сбудется прозорливое предсказание монаха Авеля о движении созвездия Александра III до половины небосклона.

Там, в Спале, на третий день охоты государь простудился и слѣг с сильнейшим приступом лихорадки. Лейб-хирург Гирш, его личный врач, посоветовал тёплую ванну. Разогревшись, больной царь открыл кран с ледяной водой и... задремал. Наступило переохлаждение, пошла горлом кровь. Случился обморок.

Все всполошились. По рекомендации принца Ольденбургского пригласили из Берлина специалиста по болезням почек профессора Лейдена. Немец поставил страшный диагноз — нефрит. Впрочем, на болезнь почек указывал много раньше и профессор Московского университета Григорий Захарьин.

Но кто его слушал... В личной беседе императрица Мария Феодоровна строго-настроено запретила Григорию Антоновичу говорить об этом кому-либо.

И вот тяжелобольного царя везут в Ливадию с надеждой на тепло и морской воздух.

21.

Рай в виндзорском шалаше

Наследник же отправляется в Англию к невесте. Свирепый норд-ост рвёт гребни морских волн, осыпает серым жемчугом брызг палубу царской яхты. Будущий император Николай Александрович стоит на капитанском мостике «Полярной звезды», расставив ноги, как морской волк, прошедший шторма двух океанов. Брызги бьют в лицо, оставляя на щеках белые пятнышки соли. Там, за далью солёных волн, проступает прекрасный лик юной принцессы. Сильными толчками бьётся под офицерским кителем тонкого английского сукна влюблённое сердце. Жаждет взвиться алым парусом и, опережая «Полярную звезду», устремиться к самой милой на свете «глупой лягушке», «старой сове», как она называет себя в письмах. Удар высокой волны с головой окатывает цесаревича и уносит благостные мечты о встрече с невестой за борт.

«Папá. Страшно замечать, как из сильного богатыря он превращается в сухонького старика с огромным жёлтым черепом на морщинистой шее... Он так не хотел, чтобы я уезжал. Просил подождать. Подсылал уговорить меня генерала Черевина. А я в ответ на его доводы самонадеянно заявлял, что генерал большой пессимист, что кризис миновал...»

Теперь ему стало стыдно. Ведь сказал же ему по секрету лечащий профессор Захарьин, поникнув седой умной головой:

«Состояние больного, ваше величество, очень тяжёлое, почти безнадежное. Организм обессилен. Пульс не снижается меньше ста ударов в минуту...»

Тогда он едва сдержался, чтобы не закричать Захарьину, что «ваше величество» — это обращение не к нему, наследнику престола, а к государю. Вспомнил и подумал, что профессор просто оговорился, сказал так не потому, что уже не числил венценосного пациента в живых.

Вдруг цесаревич почувствовал в морском воздухе тонкий запах ладана, обернулся.

— Простите, ваше высочество, что нарушаю уединение, — одолевая шум волн, прокричал подошедший протопресвитер Янышев, ясноглазый, лёгкий, в развеваемом ветром дорожном подряснике: — На таком пронзительном ветру стоите, мокрый. Не заметите, как простынете. Благоволите хоть плащ накинуть.

— Благодарю, отец Иоанн, не извольте беспокоиться. Да и за плащом лень в каюту спускаться, — встретившись взглядом с кроткими любящими глазами отцовского духовника, ответил наследник.

Отец Иоанн обернулся к стоявшему с плащом наготове рыжему молодому мичману. Тот подлетел и протянул офицерский плащ.

— Не предавайтесь унынию, ваше высочество, Господь милостив, — отец Иоанн перекрестился и ушёл, унося с собой запах кофе и ладана.

Только теперь, под защитой плаща, цесаревич почувствовал, как сильно озяб. Потянуло в тепло каюты, к горячему чаю с ромом. Но будто наказывая себя, Николай Александрович остался на палубе. Забота протопресвитера повергла его в ещё большее самоосуждение: «Сколь же великодушно и кротко отозвался папá на мой эгоизм, повелев

своему духовнику плыть со мной в Англию — преподавать моей невесте основы православной веры! Алиса — будущая императрица... Боже, пусть это произойдёт как можно позже. Тогда, при крушении поезда в Борках, отец удержал падающую на всех нас крышу вагона... Удерживает он и крышу Российской империи. Как и при крушении, он и теперь жертвует собой... Остался без духовной поддержки отца Иоанна в тяжкие для себя дни, зная, что никто не сможет приобщить Алису к православной вере так мудро и глубоко, как отец Иоанн, в прошлом ректор Петербургский духовной академии.

Господи, прости мне себялюбие! Спаси, сохрани и помилуй Своею благодатью отца моего Александра...»

Цесаревич молился, поднимая глаза к серому, в тучах, небу, и соль морских брызг мешалась с солью его слёз.

Наутро «Полярная звезда», ведомая твёрдой рукой русского капитана, под приветственный гром королевских орудий, как нож в масло, вошла меж английских судов в порт и пришвартовалась к причалу. Парадные шеренги войск, блеск и звон меди оркестров. Приветствия, улыбка на мучнистом лице королевы Виктории, поцелуй в милостиво протянутую, колючую от лучей драгоценных перстней кисть. Ищущие глаза цесаревича сталкиваются с рачьими зрачками немецкого императора Вильгельма. Дядюшка Вилли, будто клешнями, обгрызает взглядом ладную фигуру будущего императора России, топорщит усы.

Но вот белое пламя платья Аликс взвивается над мундирами и фраками, затмевая весь этот парад, королеву Викторию и вспугнутых чаек. Сияние милых глаз, нежность улыбки...

На вопрос Вильгельма наследник отвечает невпопад, отчето германский император роняет позлащённую трость, внутри которой прячется шпага.

Бесконечно тянется эта унылая волна протокольных пожиманий рук и речей. Неужели она когда-нибудь отхлынет, и белое платье приблизится к нему? И вот она, награда за терпение. Влюблённых разделяет лишь столик на золочёных львиных лапах и королева Виктория, едва сдерживающая зевоту после обильного обеда в честь венценосного русского гостя. Как она отговаривала любимую внучку от этой дикой непредсказуемой России!

За долгие годы пребывания на королевском престоле она чувствует и видит дальше, чем все обычные люди. Усталая душа вещает ей недоброе, но внучкино сердечко охвачено пламенем любви. Русский наследник королеве, конечно, нравится. Он чист сердцем, царственно прост и красив. В нём королева чувствует твёрдую волю, и это смиряет её. Да, будет Алиса счастлива в сиянии его добрых голубых глаз.

Виктория смотрит, как он вручает невесте золотую цепочку с крупным изумрудом, кольцо с чудесной редкой жемчужиной, искрящуюся сапфирами и бриллиантами брошь и ещё бесценное колье Фаберже из чистого жемчуга, столь любимого принцессой Алисой.

Сияние сокровищ прогоняет королевскую дрёму: «Как же богаты и щедры эти русские! Мне никто никогда не дарил таких чудесных драгоценностей...»

— Не забудь свою бедную бабушку, Аликс. Когда станешь императрицей, вспоминай о ней иногда, — королева тяжело поднимается, опираясь о львиную спину столика обеими руками.

Алиса целует её в мучнистую щёку, пристальным взглядом провожает медленно уползающий через порог шлейф королевского платья. Дверь затворилась. Алиса бросилась жениху на шею:

— Ах, Ники! Твоя глупая лягушка не могла дожда... — их губы встречаются раньше, чем она успевает договорить.

Здесь, в гостиной, за шторами тяжёлого синего бархата время останавливается, за окнами же оно летит быстрее сокола.

— Ты мой ра-дост, ты моё солы-нце, — старательно вышептывает русские слова Алиса, исправляя погрешности языка быстрым поцелуем. — Я тебя либ-ли, люб-лю!

Она так мила в своём усердии выговорить русские слова, так по-детски старательно округляет губы, так смущается и краснеет!

— С самого детства, как умерла мама, я страдала от одиночества, — отодвигаясь к краю софы, вдруг по-английски сказала Аликс. — Я жила как в пещере, заваленной камнями. Когда бабушка Виктория говорила мне о замужестве, я цепенела от ужаса, что кто-то из тех, хохочущих и пьющих, станет прикасаться ко мне...

«Ты понимаешь меня?» — спрашивала она глазами.

— Да-да, — кивал и целовал ей руки Николай.

— Ты не сможешь понять этого. Ты рос в окружении большой любящей семьи, с матерью и отцом. И тебе неведомы ужасные муки одиночества. Ты пришёл и отвалил камни моей тёмной пещеры, вывел за руку в чудную долину любви, — она взяла со столика дорогое кольцо Фаберже. — Давай обменяем его на шалаш? Как по-русски: с милым рай и в шалаше!

— Лучше обменяем на яхту, — цесаревич поцелуями осушил слёзы на её ресницах. — Поплывём в Индию, Китай, Японию.

— Ни за что! Только не Япония! — вскинулась Аликс, обняла его голову, пальцами нащупала шрам за ухом: — Болит?

— Иногда, к перемене погоды, — растроганный её участием, ответил Николай. — Мы из Китая отправимся в Австралию за кенгуру и кроликами...

— Они как застывшие слезинки, — любуясь, раскачивает кольцо Аликс и вдруг опускает голову.

— Ты что?

— Прости меня, Ники, — она чуть не плачет. — В своём счастье я совсем не спрашиваю про здоровье твоего папá. Ему лучше?

Он хотел ответить нечто вежливо-неопределённое, но вырвалось иное...

— Состояние государя врачи считают безнадежным, — сказал он, назвав отца государем и тем самым возводя личную скорбь в нечто большее, а словами «врачи считают» он как бы не соглашался, что отец смертельно болен.

— Врачи могут ошибаться, — уловив его смущение, пришла на выручку Аликс. — Папá, — она покраснела, назвав так будущего свёкра, — император такой могучий человек, у него сильный организм, он справится с болезнью. Давай прямо здесь помолимся с тобой, чтобы милостивый Бог исцелил его.

Николай нашёл глазами стоявшую на чёрном базальтовом постаменте небольшую скульптуру распятого Христа. Они опустили на колени.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси, сохрани, даруй исцеление от болезни рабу Твоему Александру, — медленно вслух по-английски произнёс Николай, Аликс повторила за ним.

Оба они, сливаясь душами в одно, ощутили недоступную ранее радостную лёгкость. Охватившее их чувство было так прекрасно, что они, будто малые дети, замерли в радостном удивлении.

Это были лучшие дни нашей жизни, — напишет позже, будучи уже царицей, Александра Феодоровна в своих записках. — Есть нечто чудесное в любви двух душ, которые во-едино сливаются и которые ни единой мысли друг от друга

не таят. Радость и страдания, счастье и нужду переживают они вместе, и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу... Истинная любовь — дар Божий — с каждым днём всё сильнее, глубже, полнее и чище...

О любви щебетали птицы в Виндзорском парке, когда королева Виктория катала их в своём знаменитом шарабане, запряжённом пони. По-особенному сверкали солнечные блики в струях Темзы, где они вдвоём катались на лодке. С любовью улыбались и махали им проплывающие мимо матросы, с любовью тянулись к ним цветы на пригорке под дубом, где они завтракали.

Перед отъездом Николая Александровича в Россию Аликс запишет в дневнике: «Всегда верная и любящая, преданная, чистая и сильная, как смерть». Поразимся внутренней силе и пронзительному прозрению этих пророческих слов. С уст будущей императрицы впервые сорвалось и упало на лист дневника страшное слово «смерть».

22.

«У России есть два верных союзника — её армия и флот»

Государь полулежал в кресле, положив разбухшие от водянки, бревнообразные ноги на мягкую подставку. Набитая сушёными лепестками роз подушка — подарок бухарского эмира — источала под спиной тонкий запах восточной неги. В открытое окно доносился счастливый смех Ксении, голоса Михаила и Сандро, швырявших друг в друга каштанами.

Но всё заглушал и отравлял нестерпимый зуд в ногах и руках. Запреты врачей, мольбы жены, немой укор камердинера — всё было напрасно. Император в кровь расчёсывал ноги.

— Мишкин, поди сюда! — негромко позвал он мелькнувшего в коридоре сына. — Закрой дверь.

— Я не стану. Врачи запретили, — сразу всё понял, затоптался у порога Михаил. — Тебе же хуже будет.

— Ну будь другом, чуть-чуть, — одутловатое лицо государя сморщилось жалкой просительной улыбкой, которой Михаил никогда раньше не видел: — Щётка вон там, за креслом. Чеси!

— Почему не попросишь Ники?

— Он занят государственными делами.

— Ты просто знаешь, что он не согласится.

— Давай скорее, мочи нет! — царь задрал пижамные штаны выше колен, и Михаил стал водить щёткой, пугаясь от вида чудовищно раздутых, будто резиновых, ступней с жутко торчащими в стороны пальцами.

— Давай лодыжки. Сильнее же! Ты можешь сильнее?

Тут дверь распахнулась, и в комнату вбежала императрица. Похудевшая, в тёмном облегающем платье, она походила на девушку, если бы не горестные складки в уголках губ. Михаил выпрямился, завёл руку со щёткой за спину.

— Сговорились меня уморить?! — закричала она на сына. — Сколько раз тебе говорить, что расчёсывание возбуждает пульс, поднимается кровяное давление. Дай сюда, — она вырвала у сына щётку и кинула в окно.

— Извини, мамá! — Михаил нагнул голову и попятился за дверь.

— Прости, Минни, терпения не хватает. Так бы всю шкуру и содрал.

— Давай сделаю массаж, — Мария Феодоровна опустилась на колени и стала растирать ноги.

Император откинулся на розовую подушку и вдруг почувствовал падавшие на голые ноги тёплые слёзы.

— Как я тебя измучил, Минни. Скорее бы уж...

— Не говори так, Саша. Господь милостив. Утром из Берлина приехал профессор Лейден. Европейская знаменитость. Он тебя непременно поставит на ноги.

— На эти чурбаны! — император покривился, глядя на свои ноги. — Это ведь не ты придумала?

— Что?

— Притащить на мою голову этого учёного немчуру. Толку от него не будет!

— Саша, позволь ему тебя осмотреть. Молю тебя, не капризничай! Это займёт всего полчаса. Перед обедом. Хорошо? — глаза её опять заблестели слезой.

— Ладно, ладно. Только ради тебя. А где Ники?

— В кабинете с Константином Петровичем составляют по твоему повелению документ о временной передаче власти регентству.

— А разве Победоносцев приехал? Почему мне не доложили? Михаил Иваныч! — он повернулся к стоявшему в отдалении камердинеру Гемпелю. Тот молча наклонил расчёсанную на ровный пробор голову.

— Это я не велела, — императрица помахала ладонью перед глазами, осушая слёзы. — Тебе вредно волноваться. Пусть пока делами занимается Ники. Выздоровеешь, опять всё возьмёшь в свои руки. Отдай ему и военные дела, и всю дипломатию.

— Там много неизвестных ему тонкостей, — горько вздохнул император. — Особенно по Польше и Японии. Да и по союзу с Францией. Всего там хватает.

— Ну так объясни, введи его в курс. Ты принимал утром наперстянку?

— Принимал, принимал. По мне лучше вон эту подушку розовых лепестков съесть, чем вашу наперстянку...

Когда царица вышла из комнаты, император повернулся к камердинеру.

— Михаил Иваныч, подай скорее! Полцарства за... щётку!

В тот же день на первом этаже Ливадийского дворца собрался консилиум врачей. Стеклел арийскими зрачками, постно поджимал губы берлинский профессор Лейден. Он только что осматривал русского царя. Поник головой профессор Григорий Антонович Захарьин, может, предчувствуя и собственную смерть.

Прятал глаза за покрасневшими веками лейб-хирург, профессор Военно-морской академии Вельяминов. Больше других его раздражал на всё согласно кивавший личный царский врач Гирш.

«Камень на шею и в омут за такое лечение. Если бы хватились вовремя... Погубили государя!» — каменел скулами Вельяминов, смотрел на крышку стола, боясь взглядом, как бритвой, полоснуть по лицам коллег.

Шрапнелью летели сквозь двери залы обрывистые выкрики Лейдена: «Почему?!» и страшное, обрывистое: «Смерть...» А следом русский надрывный шёпот: «Запущенная форма нефрита. Необратимый процесс разложения, отёчность и давление будут расти, почки не справляются. Сердце работает на пределе возможностей. Пульс не опускается ниже ста ударов в минуту. Летальный исход возможен в любой час. Надо положиться на волю Божию... Кто уведомит о нашем вердикте императрицу и наследника?..»

Откуда им было знать, что утром в ответ на слова супруги: «Сегодня ты выглядишь свежее» император усмехнулся: «Я ещё жив, но уже видел прилетавшего ко мне ангела смерти... А где Ники?»

Цесаревич с раннего утра сидел в кабинете, изучал доклады и донесения. Николай Александрович дважды перечёл донесение о волнениях рабочих на заводах Нижнего Тагила. Для наведения порядка туда были посланы четыре

роты солдат, устроена порка розгами. Более сотни человек под конвоем отправлено в Екатеринбург. И ни слова о причинах, вызвавших волнения.

«Скорее всего, виноваты не столько рабочие, сколько владельцы заводов. И губернатор, конечно, на их стороне...»

Выявить и устранить причины волнений, — написал он на полях донесения. Взгляд упал на привезённые Победоносцевым гулявшие по Петербургу эпитафии:

Пусть гибель страшная «Русалки»
Для флота русского позор,
Пусть броненосцев наших свалки
Средь бела дня ласкают взор.

Винить не стану Чихачёва,
Ему ведь доблесть, честь и дух
Совсем неведомы, три слова,
Он равнодушен к ним и глух.

Так мудрено ль, что рыцарь злата,
Торгаш, маклак не ждёт невзгод
И за спиной царёва брата
Спокойно губит русский флот?

Злые стихи напомнили цесаревичу, как они с отцом возвращались на «Полярной звезде» из Дании, и их застала буря. Государь повелел зайти в только что отстроенный Либавский порт. Капитан Шаховской заметил, что «Полярная звезда» глубоко сидит, и туда опасно заходить.

— «Николай I» сидит глубже, но стоял там, — возразил тогда цесаревич.

— Но его оттуда с трудом вывели, — отвечал Шаховской.

— Хороший же порт мы построили! — рассердился отец. — Ни войти, ни выйти!

«Злобно, но верно — „броненосцев свалки“. Военный флот давно нуждается в обновлении. А это о чём? — цесаревич взял другой листок. На нём было написано: „По Министерству путей сообщения“.

Подрядчик, голова, делец... проходимец. Это про Кривошеина*. Надо его срочно менять, отец собирался отстранить. Но кого назначить?»

Николай Александрович задумался. Впервые он ощутил невероятную, выше сил человеческих, тяжесть царского креста на своих плечах. Истово перекрестился: «Господи милостивый, продли его дни... Не дай помереть, пожалей нас, грешных...»

И тут его позвали к отцу в спальню. Каждый день Николай горько изумлялся, видя всё новые следы его болезни. Государь полулежал в кресле, истончившаяся переносица мертвенно отблескивала на лице. Глаза провалились под жёлто-серый огромный лоб и глядели из глубины отрешённо и страшно. Болезнь раздувала лицо и тело водянкой...

Опустившись на одно колено, Николай коснулся губами отцовской руки. Император очнулся, потянулся почесать ногу, но пересилил себя.

— Думаешь, Ксения будет счастлива в замужестве? — неожиданно спросил он.

— Сандро человек лёгкий, — подумав, ответил Николай (он хотел сказать «легкомысленный»). — И сестра обожает его.

— Она прольёт из-за него море слёз, — убеждённо сказал император.

— Отчего ты так думаешь, папá?

* А. К. Кривошеин — министр путей сообщения.

— Он очень себялюбив и ветрен.

— Сандро бескорыстен и всегда готов прийти на помощь, — вступился за друга юношеских игр и забав цесаревич.

— А твою свадьбу надо ускорить. До следующего года я не доживу, — государь произнёс это так пугающе просто и равнодушно, что у Николая на глаза навернулись слёзы.

— Господь милостив, папá. Мы все за тебя молимся. Ты выздоровеешь!

— Распорядись послать в Петербург за отцом Иоанном Кронштадтским. Пусть приедет. Хочу, чтобы он меня причастил и... соборовал.

Он хотел сказать «отпел», но пожалел сына.

— Прости меня, Ники, что так случилось. Ты ещё так молод.

— Папá, регентство всего лишь до твоего выздоровления...

— Не перебивайте, ваше величество, — с трудом произнёс государь, как бы словами «ваше величество» передавая ему царскую корону. — Я так мало успел сделать из задуманного. — Он покривился от боли и принялся расчёсывать колено.

— Папá!

— Всё, всё, терпения нету! — государь отдёргнул руку. — Хочу тебе сказать... с высоты престола ты столько всего увидишь. Всю изнанку души человеческой. Губернаторы, министры, градоначальники, церковные иерархи будут искать твоего расположения. Угодничать, лгать, двоедушничать, плести интриги, добиваться чинов, наград, богатства. Они будут клясться в верности и предавать, уверять в любви и злобствовать за твоей спиной. Не все, но большинство...

Император отёр платком мокрое от пота лицо, прикрыл глаза. Николай, страдая, ощущал, как отец собирает остатки сил. Вот он открыл глаза, продолжил:

— Научись отделять личное от исполнения должностных обязанностей. Умей, наказывая, прощать. Никого к себе не

приближай из министров, военачальников. Это всегда вредит делу. Помни: советчикам несть числа, а спрос с тебя. Тебе отвечать за царство перед подданными и Господом Богом.

Без помощи Божией никаких сил человеческих не хватит, чтобы не возненавидеть, не опалиться гневом. Почему наши царственные предки заковывали в кандалы, рубили головы? Из-за кровожадности? Нет! От бессилия и отчаяния... Всегда моли Господа даровать тебе терпение, великодушие и кротость.

Лицо государя опять заблестело от пота. Он заворочался в кресле, устраиваясь поудобнее. Одна нога соскочила с подставки-подушечки и повисла носком в сторону, будто неживая. Николай взял её пониже щиколотки и положил на место:

— Папá, тебе надо отдохнуть.

— Там отдохну, — государь возвёл очи кверху. — К тебе сразу кинутся дядья — советовать, поучать, попытаются управлять тобой. Особенно Николаша, он чрезмерно честолюбив. Будь всегда с ним осторожен и твёрд. Помни, что ты — царь, они лишь первые из твоих подданных... Прибегут к тебе опять с Конституцией. Отринь! Все эти парламенты, думы не для России... Не верь Вильгельму, ни королеве, ни принцу Георгу, хоть он тебе и двоюродный брат, ни, тем более, французскому президенту. У России есть два верных союзника — её армия и флот! Люби их.

Государь наклонился, пытаясь подняться из кресла. Николай бросился к отцу. Совсем близко на него глядели почти из небытия глаза, полные любви и сострадания. Он, умирающий, жалел его, здорового, молодого. Они обнялись и заплакали.

— Когда не будешь знать, как поступить, спрашивай у Господа Бога, — прошептал солёными от слёз губами император на ухо сыну. — Господь управит...

23.

Благословение умирающего императора

Принцессе снилась Россия. Вот она в тёмном лесу, ночью, одна. Перед ней на поляне стоит врытый в землю большой, выше человеческого роста, золотой крест. Исходящее от него тихое сияние рассеивает тьму. Замирая сердцем, она видит клубящиеся по поляне тени. Кепки, кожанки, шинели и обмотки... Из-под кепок полыхают зелёные волчьи глаза, из рукавов торчат лапы и когти. Они бегают по поляне на четвереньках, обнюхивают кусты и камни. Шевелят ноздрями, улавливая её присутствие. Тащат, тащат бурелом к изножью креста, обкладывают его со всех сторон. Взметнулось злое пламя. В золотых отсветах она видит пригвождённого на кресте человека. Она знает его. Это он, её возлюбленный, её Ники. Преодолев страх, она бросается в огонь и... просыпается.

Сон столь явственен, что Алиса крепко зажмуривает глаза, боясь наяву увидеть поляну и крест в огне. Лёжа в постели, крестится и на свой лад читает разученную с отцом Иоанном молитву: «Спаси и помилуй, Господи, моего любимого, раба Твоего Николая, и убереги его от всякого зла...»

Утром приносят телеграмму от Ники. Он призывает её в Россию. Значит, во тьму, на крест, в огонь. Государь император Александр III, её будущий свёкор, тяжело болен. Он желает перед смертью благословить их любовь.

В Петербурге Алису, будущую императрицу, одетую в длинную клетчатую юбку и меховой серый жакет, встречает лишь сестра Элла (Елизавета). Все родственники государя уже уехали в Ливадию.

— Ах, Аликс, такое горе, он умирает! — в слезах обнимает её сестра. — Нам надо спешить.

— А Ники?

— Он там, около него. Смерть может наступить в любую минуту.

Николай выезжает навстречу невесте. Они встретились недалеко от Симферополя. От радости и волнения её щёки покраснели, как красные розы в букете, с которым встретил её наследник. Касаясь губами лепестков, она разглядывает любимое лицо. Скорбь и заботы прорезали морщину меж его бровей, обострились скулы...

Рысаки царской конюшни быстро несли коляску по каменной дороге. Но стоило въехать в деревню, как их обступили толпы селян. Приветливо улыбались, засыпали коляску цветами и фруктами. Сдерживаемые кучером кони прядали ушами от восторженных криков. Многие крестьяне падали на колени в придорожную пыль, крестились, поднимая дочерна загорелые лица. Смущённая и растроганная Алиса, по примеру Николая, кланялась и приветственно махала букетом.

В Ливадийском дворце незримо витал дух смерти. Для поднятия настроения государь распорядился устроить фамильный завтрак за большим гофмаршалским столом. Играл оркестр. Царственные родственники и гости ели и пили под чудную музыку и лёгкий плеск осенних волн, вели разговоры о мимолётности земного бытия. Сам царь намеревался хотя бы на короткое время выйти к столу, но не собрался с силами. Однако к приезду невестки он потребовал мундир.

— Саша, тебе вредно волноваться, — останавливала его императрица, почти не отходившая от кресла. — Аликс — умница, она поймёт твоё состояние. Теперь не до этикета.

— Дорогая моя Минни, русский царь не может встречать принцессу в подштанниках. Парадный мундир мне и голубую ленту! — Александр с трудом повернул голову в сторону согнувшегося в поклоне камердинера.

Облачённый в мундир император вот уже второй час полужал в кресле в ожидании приезда будущей невестки. Под сукном зуд стал ещё нестерпимее. Дважды посылали гонца узнавать. «Толпы приветствующих наследника и его невесту крестьян загораживают дорогу», — докладывал тот.

Только под вечер Алиса с большим букетом белых роз вошла в царскую спальню. Александр III дремал, полужал в кресле. При звуке шагов он открыл заплывшие глаза, хотел привстать, но не смог.

Алиса опустилась перед ним на колени, положила букет на ковёр, поцеловала бессильную опухшую руку:

— Ваше императорское величество, я желаю вам... тебе здрав-ству-вать, — выговорила по-русски сто раз повторенную про себя фразу и всё-таки от волнения сбилась.

Это растрогало императора. Он поцеловал её в склонённую голову, подозвал стоявшего поодаль у резного столика Николая. Императрица, поцеловав будущую невестку, подарила супругу приготовленную икону. Николай и Алиса опустились на колени, и государь благословил, перекрестив их дрожащей рукой. По его бледному лицу текли слёзы...

После представления Алисы родне и ужина Николай с невестой, уже в сумерках, пошли к морю. Скрытая в тучах луна изливала неверный зыбкий свет, освещая прибрежные скалы, кипарисы и дворец голубоватым сиянием. Из туманной дымки горизонта, блестя боками, катились тёмные водяные валы, набегали на берег, белея в темноте пеной. Они завораживали ожиданием новой волны.

— Я знала его таким великим и могучим. На голову выше всех, — прошептала Алиса. — Так жалко его.

— Помнишь, я рассказывал тебе, как папа на охоте удержал медведя за лапы, а теперь кофейную чашку роняет. Тебе не холодно?

— От моря веет теплом.

— Осенью море остывает медленнее, чем суша.

Они помолчали.

— Знаешь, Ники, я верю, что в загробном мире мы все встретимся. Но туда надо прийти с чистыми душами. Господь омывает душу государя страданиями для вечной радости, правда?

— Да, моё Солнышко. Я так рад, что ты приехала...

— Не больше меня.

Они обнялись и замерли, чувствуя, как быстро и сильно бьются их молодые сердца.

— Ах, Ники, ты не можешь представить, как мне страшно. Твои дяди, великие князья, они так величественны и строги. А я даже не умею разговаривать по-русски. Мне так одиноко. У тебя будет много дел, а я одна. Ты ведь не оставишь меня?

Алиса вдруг вспомнила тот страшный сон с горящим крестом на поляне. Хотела рассказать, но в этот миг он подхватил её на руки. Она обняла его за шею:

— Я люблю тебя, мой император, и пойду за тобой в огонь и в воду!

Их губы слились в поцелуе. Светлая шляпка — подарок бабушки-королевы — упала и покатилась в воду. Радуюсь нечаянному подарку, волны подхватили шляпку и утащили её в темноту.

— Бабушкин подарок. Мне жалко! — Алиса убрала с лица рассыпавшиеся локоны. — Давай посмотрим вдоль берега. Ты в ту сторону, а я в эту.

Они разбежались, но Алиса тут же со всех ног бросилась за женихом. Догнала его, обняла и заплакала.

— Ты о чём?

— Мне страшно... и ещё стыдно. Он умирает, а мы счастливы... Если бы не он, мы бы не встретились здесь.

— На всё воля Божия, радость моя! — Николай снял фуражку и перекрестился.

— Я тоже хочу помолиться. Дай мне фуражку.

— Зачем?

— Нельзя же с непокрытой головой.

Фуражка налезла ей на самые глаза.

— Постой, у меня же есть шарфик! А давай бросим твою кепку в море? Моей шляпке не будет одиноко. Не жалко тебе?

— Бросай!

Всплеск, и фуражка поплыла догонять светлую шляпку.

На рассвете с гор спустился к морю босой старец-монах. Собирая по берегу дрова, он увидел выброшенные волнами на камни фуражку и шляпку. Остановился. Ветер развевал белые космы волос, осыпал брызгами. Старец взял головные уборы, отжал из них воду, перекрестил и унёс наверх, в пещеру... Они будут лежать на каменном выступе рядом с позеленевшим медным крестом-распятием все годы царствования последнего русского императора, а после гибели обратятся в прах.

24.

Царь умер... Да здравствует царь!

В первую ноябрьскую ночь 1894 года император Александр III очнулся и замер, со страхом ожидая, что его будет мучить зуд в расчёсанных до крови ногах. Прислушался к шуму ветра в вершинах каштанов под окнами и дальнему гулу осеннего моря, уловил мягкие шлепки об оконное стекло.

«Что за странные звуки? — государь привстал на локтях, вглядываясь в черноту окна. — Будто какие-то крылатые лягушки просят ко мне в спальню... Да вовсе это не лягуш-

ки, а сорванные ветром мокрые листья каштанов ударяют в стекло...»

Государь опустился на подушку. Лёжа на спине, согнул колени и не ощутил мучительного зуда в ногах. Обрадовался, пригрелся и задремал.

Во сне ему привиделось, как в полураскрытую дверь спальни ввалился медведь, тот самый, которого он держал за лапы в обхват сосны на охоте. Клацая когтями о паркет, зверь приблизился к изголовью, встал на дыбы, дохнул жаркой оскаленной пастью.

— Саливон, Ники, куда вы пропали? Стреляйте же! — закричал государь во сне, прячась с головой под одеяло.

От крика медведь стал превращаться в подобие грозового облака. Из облака проступила смерть. Но государь не испугался её, как испугался медведя, откинул с лица край одеяла. Она выглядела не костлявой старухой с косою, а прекрасным неземным существом, похожим на большую красивую птицу.

— Давно желал тебя отблагодарить, — обратился к Птице государь.

— За что же ты, Божий Помазанник, хочешь меня поблагодарить? — взмахами крыл заговорила она.

— Тогда в лесу, на охоте, ты отошла от меня, не дала погибнуть от звериных когтей! — радуясь во сне своему умению разуть трепетание крыл, низко поклонился ей царь. — Отступись и теперь. Мне нужен хотя бы год жизни, чтобы я успел ввести в курс всех царских дел сына-наследника...

— Не о том твои заботы, царь земной и раб Божий, — ответила Птица. — Оставь земное земному. До захода солнца тебе надлежит отойти в Царствие Небесное.

— До захода солнца? — изумился, но не испугался царь. — Но отчего ты так торопишься забрать меня? За мои грехи?

— Не я, а Сам Господь определил срок твоего земного бытия. Знай: Вседержитель забирает душу всякого смертного в самое лучшее для него время.

— Ты потешаешься надо мной? Моё налившееся водяной безобразное тело, слабость, зуд — это «самое лучшее»?! — вскричал император. — Я наслаждался любовью, властью, здоровьем. Тогда было лучшее время!..

— Любя и сострадая, Господь ниспослал тебе скорби для очищения души и для покаяния. Пресекая твою земную жизнь, Вседержитель оберегает тебя от больших грехов и страданий...

Ощутив нестерпимый зуд в лодыжках, он принялся расчёсывать ноги и... проснулся. В потемневшее от ночного дождя перекрестье оконной рамы тарачился зеленовато-жёлтый мёртвый глаз. Государь внутренне напрягся, прежде чем понял, что это прилипший к стеклу каштановый лист. Дёрнул шнурок колокольчика.

— Позови ко мне отца Иоанна, — велел он камердинеру, — скажи, что желаю исповедаться и причаститься.

— Янышева или Кронштадтского? — утёр набежавшую слезу старый камердинер.

— А что, отец Иоанн Кронштадтский приехал?

— Вчера вечером, ваше величество. Всю ночь молился.

— Позови его.

Утихал ветер, опалили и шипели на песке морские волны. Шёпотом переговаривались собравшиеся в небольшом зале родственники императора. С обтянутым в зелёный сафьян Евангелием, серебряным крестом и дароносицей в руках отец Иоанн вошёл к государю в спальню. С горьким сокрушением каялся Александр III в своих грехах. Сам Спаситель, незримо стоявший у изголовья, волею священника отпустил грехи и сподобил государя Святого Причастия и Соборования.

Совершалось великое и страшное Таинство перехода Помазанника Божиего из земного бытия в жизнь вечную. Удерживала рыдания горбившаяся в кресле императрица. Стоявшие около неё дочери Ольга и Ксения шептали слова утешения, целовали руки. Справа от них сидел ещё больше осунувшийся за ночь наследник с невестой. У Алисы по щекам текли слёзы. В одной руке она комкала мокрый платочек, другой сжимала руку жениха. За кадкой с пальмой прятал в ладонях заплаканное лицо любимец отца Михаил. Рядом сидели четыре великих князя, братья царя, и их жёны, близкие царедворцы. В дальнем углу сидели пять врачей: Гирш, Вельяминов, Захарьин, Лейден и Попов.

Все чувствовали, что государь доживает последние минуты. Скоро наступил момент прощания. Родственники по очереди заходили в спальню. И для каждого государь находил слова любви и одобрения. Дольше всех он прощался с наследником, стоявшим на коленях перед кроватью. Государь сказал старшему сыну несколько слов и положил руку ему на голову. Молчание императора было выше и значимее всяких слов. Отцовское благословение на царство и сам дух самодержца мистическим образом перетекали в наследника. Николай поцеловал руку умирающего отца и вышел из комнаты другим, чем входил минутами раньше. Эту перемену не уловили ни мать, ни брат, ни сёстры, её почувствовала в будущем самодержце одна лишь Алиса.

Отец Иоанн Кронштадтский придерживал голову государя в ладонях и шёпотом читал отходные молитвы. Государь умер тихо, без агонии. Пресёкся на вздохе.

В тот же вечер, после панихиды в ливадийской церкви, родственники и сановники присягали на верность новому императору. Алиса стояла рядом с царственной свекровью, слева от алтаря. Она привстала на носочки, пытаясь увидеть

жениха. Однако его скрывали затылки и спины окружавших его придворных. В мерцающем свете свечей лишь иногда показывалось и тут же пропадало его бледное, отрешённое лицо. Любовь, страх и восторг заполняли трепетавшее сердечко царской невесты.

Вернувшись к себе в покои, 26-летний самодержавный владыка запер дверь изнутри и дал волю слезам. Вытирая глаза, он увидел на обшлаге мундира седой отцовский волос.

Был ли это знак, что Российская империя повисла на волоске над пропастью беззакония?..

Часть II

В преддверии катастрофы

1.

Дворцовый бал — пытка для молодой царицы

В третий день ноября 1895 года раскатились громом орудия Петропавловской крепости, заметались над Невой белые комья чаек. Северная столица замерла в ожидании. В хижинах и дворцах считали выстрелы, возвещавшие о прибавлении в молодой царской семье. Ждали триста залпов в честь рождения наследника, но на сто первом воцарилась тишина. Дочь!..

Божией милостью мы, Николай Второй, Император и Самодержец всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, объявляем всем нашим верноподданным:

В третий день сего ноября любезнейшая супруга наша Государыня Императрица Александра Феодоровна разрешилась от бремени рождением нам дочери, наречённой